

ВЛАДИМИР ВОЛКОВ

ВОЖАТЫЙ

ВЛАДИМИР ВОЛКОВ

Вожатый

Роман в трёх частях

Какая разница, кто убил Роджера Экройда?

Эдмунд Уилсон, американский критик

Часть 1

Пропавшие

Глава 1

Дети

26 июля 2003 года (суббота)

1

Столовая детского оздоровительного лагеря «Белочка» медленно заполнялась народом. Отряды, подгоняемые вожатыми и воспитателями, один за другим втекали через распахнутые двери из матового стекла в залитый солнцем обеденный зал. Воспитанники мыли руки, рассаживались за столами по четверо под песню про куклу Барби, которую крутили во внутренней сети вещания по кругу. Всё ещё полусонные и вялые, несмотря на только что оттарабаненную зарядку, дети ковыряли ложками в жидкой манной каше, мазали масло на хлеб, прихлёбывали жидкий переслащённый чай. Вскоре все места были заняты, и только восемь столов у восточного окна оставались пустыми.

Прошло двадцать минут. Песня про куклу Барби, отыграв положенное количество раз, закончилась. По радиосети включили городские новости. Воспитанники вскакивали, несли тарелки с разворошённой манкой к окну для грязной посуды и бежали к выходу, навстречу

разгоравшемся июльскому дню. Столовая понемногу пустела, а завтрак на восьми столах так и оставался нетронутым. Каша в тарелках остыла и покрылась пупырчатой серой коркой, похожей на гусиную кожу.

— Смотри-ка, а десятый и не торопится на завтрак! — буркнула толстая повариха на раздаче.

— Дык у ихней воспитательницы-то, у Лидии Георгиевны, выходной сёдни, — отозвалась её худая товарка, с грохотом скидывая партию тарелок в мойку. — Проспали, видать, вожатые-то. Ох, попадёт же им от Ивана нашего Палыча...

Как раз в этот момент в столовую вкатился сам директор лагеря Иван Павлович Половняк, сопровождаемый администратором Варей и старшей вожатой Леночкой. Варя, по обыкновению, шла налегке, а у Леночки, как всегда, были заняты обе руки: в одной еле умещался пухлый блокнот с заложенной между страниц ручкой, в другой бряцала связка ключей. Совершив обязательный обряд омовения рук, троица устроилась за отдельным столом в углу.

Пока они усаживались, новости закончились. Динамик заиграл бравурную музыку, и бодрый мужской голос проговорил: «Новинка! Сладкие шарики “Кукурузка” со вкусом малины от компании “Тариан”. Покупайте уже сейчас в магазинах города». Хор детских голосов пропел: «Кукурузка, тинь-тинь-тинь! Пум!», и реклама оборвалась.

Иван Павлович поморщился, стащил с носа очки-хамелеоны, отёр круглое румяное лицо носовым платком и с удовольствием принялся уплетать двойную порцию манки, не забывая про хлеб с маслом. Леночка цепляла маленькие комочки кончиком ложки, долго и тщательно пережёвывала, вертя головой. Варя проигнорировала содержимое тарелки, отломала треть кусочка хлеба, пригубила чай и откинулась на стуле с видом скупающей царевны.

Насытившись, Иван Павлович залоснился, затопорщился пшеничными усами и бровями. Прихлёбывая чай, он выпрямился, оглядел столовую и тотчас нахмурился:

— Так-так... А это чьи столы там у нас?

— Десятый отряд, — сразу же отрапортовала Леночка. — «Морские котики».

— Опаздывают, оболтусы, — проворчал директор, сверившись со старыми электронными часами «Монтана». — Больше чем на полчаса. Ты посмотри-ка!

Иван Павлович встал, прошёлся между столами, с недовольным пыхтением разглядывая пропадающую зря манку и приговаривая: «Ну куда это годится?», «Вот ведь...», «Ну надо же!» Снова сверившись с «Монтаной», он поджал губы и запыхтел ещё громче.

— Леноч, иди позови их, что ли... — обратился он к старшей вожатой. — Совсем совесть потеряли... Ну как так можно? Разгильдяи!

Леночка сунула ложку в недоеденную манку, схватила блокнот с ручкой и выпорхнула из столовой. Иван Павлович прошёлся туда-сюда и вдруг остановился, словно споткнувшись. Румянец сошёл со щёк директора, и его лицо стало похоже на каравай серого хлеба.

— Слушай-ка, — обратился он к Варе, — так это ведь те самые «котики», у которых наш пионер-герой командует. Так?

— Угу, — кивнула Варя.

Она достала из сумочки пакет с «Кукурузкой» и захрустела сладкими шариками, складывая их себе в рот по одному. Иван Павлович снова глянул на допотопные электронные часы, на которых сложилась комбинация 8:45, и в раздражении цокнул языком. Не успел директор произнести очередное «ну надо же», как к нему подбежал запыхавшийся мальчик в шортах, полосатой майке и синей бейсболке с полустёртой надписью American Eagle.

— Вам сказали... — выпалил гонец, переступая с ноги на ногу, — чтоб вы пришли...

— Куда? — Иван Павлович взглянул на воспитанника поверх очков.

— Туда... в Синий корпус, — махнул мальчик и сглотнул.

— Зачем?

— Не сказали. Сказали только, чтоб пришли...

— Та-а-ак, — протянул начальник лагеря. — Чёрт-те что! Постой, а в чём дело?

Мальчик с усилием сглотнул, и лицо его болезненно скривилось. Казалось, он сейчас расплачется, но вместо этого гонец вытаращил глаза и выпалил:

— Там кровь!

Директор застыл с открытым ртом.

— То есть как? — Иван Павлович изобразил бледными губами слабую улыбку. — Ты уверен? Впрочем, я сам выясню. И ты это... сними кепку-то в помещении.

Мальчик стащил бейсболку за сломанный козырёк, наблюдая, как бледный Иван Павлович семенит к выходу. Несколько человек бросились к окну, наблюдая за тем, как директор большим колобком скатился по лестнице, пересёк площадку для линеек с тремя флагштоками, на которых уныло по причине полного безветрия повисли три флага: с гербом лагеря, с гербом области и официальный триколор, — и заковылял по дорожке к видневшемуся за берёзками Синему корпусу. За ним семенила Варя.

«Кукурузка, тинь-тинь-тинь!» — прозвучало из всех динамиков, и радио замолчало.

2

— Тихо, народ! Все успокоились быстро! — в который раз повторил Иван Павлович. — Давайте наконец выясним, что здесь происходит.

Лицо директора розовело, как после прогулки на морозе. Сверкающие глаза бегали туда-сюда, а пухлые руки то и дело сцеплялись в замок. Стоявшая посреди комнаты Леночка облизнула губы, закивала мелко и часто. Варя привалилась к косяку плечом и вздохнула. Присоединившийся к директору по дороге из столовой физрук Семён Ильич Стожаров не к месту улыбнулся. Прибывшие на зов вожатые и воспитательница одиннадцатого отряда переглянулись.

Они находились в игровой Синего корпуса. Здесь царил беспорядок: у одной стены стояли составленные неровными рядами стулья, посреди комнаты лежали раскиданные по кругу детские тапочки. Несколько пар также валялось около выхода и на пороге. На другой стене, в полутора метрах от пола, красовалась надпись, выведенная неровными красными буквами:

AVEC QUE LA MARMOTTE.

Именно она и вызвала столько беспокойства. Сумрак в помещении, корявый почерк, алые потёки на стене и капли на плитусе — всё это производило зловещее впечатление. И хотя сразу же выяснилось, что автор неряшливого граффити пользовался обычной гуашью (баночку из-под которой нашли на подоконнике), это нисколько не успокаивало.

— Сразу нельзя было выяснить? — ругался директор. — Зачем надо было кричать «кровь, кровь»? К чему пугать людей?

— Мы ничего такого не говорили, — оправдывалась Леночка. — Андрюша случайно увидел и вообразил себе бог весть что...

— Ладно, — оборвал её директор. — Меня другое интересует. Где отряд?

Леночка переложила блокнот с ручкой из одной ладони в другую и пожалала плечами. Варя сложила руки на груди и с трудом удержала зевок. Физрук поскрёб загоревшую безволосую макушку.

— И вожатых тоже нет? — продолжил директор. — И воспитательницы? Так получается?

— Прямо «Мария Селеста», — заметила Варя.

Синий корпус, на первом этаже которого размещался десятый отряд, а на втором — одиннадцатый, был осмотрен досконально. Директор лагеря самолично прошёл по коридорам, заглянул в туалеты, в сушилку и даже в пыльную, заваленную разным хламом кладовку, но не нашёл ни души. Четыре пустые палаты на первом этаже. Везде — аккуратно заправленные, укрытые покрывалами постели, на которых белыми холмиками возвышались подушки с тщательно вытянутыми уголками; полотенца на спинках коек, сложенная одежда на стульях и обувь у каждой кровати, книги и тетради на тумбочках. Что называется, идеальный порядок, всё на своих местах. Но такая аккуратность и организованность несколько не радовали глаз, а навевали совершенно другие настроения. Корпус действительно напоминал печально известный парусник, как справедливо заметила Варя, пассажиры и команда которого сгинули без следа, а обстоятельства произошедшего так и остались невыясненными.

Завершив предварительный осмотр, Иван Павлович приступил к дознанию. Сотрудники одиннадцатого отряда сообщили, что сегодня утром на первом этаже было тихо и никого из «десятки» они со вчерашнего вечера не видели.

— И на зарядку они, кстати, тоже не явились, — вставил свои пять копеек физрук.

Иван Павлович взглянул на Семёна Ильича сквозь полутёмные очки, издал утробное «ур-р-р», собрал губы в бантик и упёрся взглядом в потолок. Сверху доносились топот, смех, буханье чего-то тяжёлого

об пол. Там бесились дети из одиннадцатого, и от этого непривычная тишина на первом этаже казалась ещё более гнетущей. Директор снова зашёл в одну из палат.

— Они, выходит, так и ушли босиком и в исподнем? — в задумчивости пробормотал Иван Павлович, переходя от одной кровати к другой.

— А может, они пошутить решили? — предположила Леночка. — Ну, в прятки поиграть? Чтобы мы их нашли...

— Ой, да остыньте вы! — махнула рукой Варя. — Сразу ж понятно, что это прикол. Что я, «десятку» не знаю? Будто у них одежды запасной нет. Умотали, небось, в город за сладостями. Скоро вернутся. Может, они давно в столовке, а мы тут фигнёй страдаем.

После краткого совещания было решено отправить гонца в столовую. (Тот вернулся через десять минут, но не принёс утешительных известий.)

— Пойдите-ка! — физрук нахмурился. — А это ведь тут вожатая в начале смены...

— Да тут, тут! — перебил его Иван Павлович и поджал губы. — Обязательно говорить об этом сейчас, правда?

Остальные вразнобой закивали, отворачивая головы, как при упоминании чего-то неприятного. Директор «Белочки» снял очки-хамелеоны, с усилием провёл ладонью по лицу и опять повернулся к подчинённым. Повторилась всё та же пантомима: Леночка совершила рокировку блокнота и ключей, Варя пожалала плечами, а физрук изобразил задумчивость.

— А вожатые вообще где размещаются? — спросил Иван Павлович.

— Юля тут живёт, — сообщила Леночка. — Комната в конце коридора. Мы к ней уже стучались. Там закрыто.

— Значит, плохо стучались, оболтусы! — Иван Павлович сверкнул взглядом из-за очков. — Ведите!

Физрук долго барабанил кулаком в обитую фанерой зелёную дверь, кричал и даже пинал ногой. Собрались было послать за слесарем, как тут изнутри донёлся недовольный голос, щёлкнула задвижка. Мгновение спустя дверь приоткрылась, и в проёме возникла заспанная растрёпанная особа в розовой ночной рубашке. Запахивая ворот и поджимая пальцы босых ног, она сонным голосом пробормотала:

— Ну что вы долбитесь как не знаю кто? С дуба рухнули, что ли?

Полуприкрытые глаза гневно сверкали из-под чёрных пушистых ресниц. Вздёрнутый и розовый, как у котёнка, носик обиженно сопел. Молодая девическая грудь вздымалась и опадала под тонкой материей.

— Здрасьте вам! — воскликнул Иван Павлович. — Не разбудили? Девушка зевнула, прикрыв рот ладошкой.

— Юля, где отряд? — выступила вперёд Леночка. — Где дети?

Вожатая поморщилась и присела на кровать.

— Ой, я почём знаю? Антон их вчера укладыввал. Он же их на зарядку водил утром. У него и спрашивайте.

— А воспитательница Лидия Георгиевна?

— Выходной у неё. В город она уехала. Всё... отвяньте от человека.

Юля шумно вздохнула и бухнулась на кровать. Панцирная сетка тихо взвизгнула.

— Та-а-ак, — ухмыльнулся Иван Павлович. — Ну и где же этот Антон, чтоб его? В Жёлтом корпусе, я так полагаю?

— Ага, — подтвердила Варя. — Он в одной комнате с длинноволосыми живёт. Которые грузчиками на кухне работают.

— Погодите-ка! — перебил её Семён Ильич. — Так это ведь тот самый Антон...

— Да он, он! — директор поджал губы. — Антон Шайгин. Ну и что?

— Ничего, — развёл руками физрук. — Просто он же...

— За мной! — рявкнул Иван Павлович и поспешил по коридору к выходу из корпуса.

3

Оставив Леночку и Варю с Юлей, директор и физрук вышли на улицу. Утро понемногу раскочегаривалось. Небо голубело сквозь ветви клёнов и лип, рыжие лучи пронзали сочную листву, а трава источала свежие летние ароматы. Вереницы детей тянулись по дорожкам в сторону летней эстрады, где готовились к общелагерному празднику, дню Нептуна, запланированному на двенадцать часов. По радио играли современные хиты. Под речитатив певицы, передававшей привет ромашкам, директор и физрук пересекли лужайку с воткнутым в землю деревянным щитом с надписью «По газону не ходить!» и двинулись по главной аллее в сторону южных ворот. Стёкла директорских очков-хамелеонов ещё больше потемнели.

Через пять минут Иван Павлович и Семён Ильич зашли в сумрачный, пропахший хлоркой коридор Жёлтого корпуса. Ещё издали они заметили распахнутую дверь в конце коридора и поспешили к ней.

В комнате царил разгром. Кровать с голой панцирной сеткой лежала на боку. Недалеко от неё валялся загнущийся полосатый матрас с содранной простыней. Две другие кровати без покрывал стояли, неровно прижавшись друг к дружке, а в углу у окна разевал пасть старый пустой чемодан. В другом углу лежали разбитый вдребезги двухкассетник «Россия» и несколько раздавленных кассет; повсюду валялись одежда, листы с нотами и книги. Посреди этого бедлама стояли два парня: высокий худой Димон и малорослый коренастый Вован — оба длинноволосые, в драных джинсах и стоптанных белых кроссовках.

— Та-а-ак, — протянул директор, снимая очки. — И что тут у нас произошло?

Димон и Вован заявили, что сами «не в курсах», поскольку не видели Шайгина со вчерашнего вечера. Оказалось, что нынешней ночью он в комнате не появлялся, а погром, видимо, был учинён утром, с пяти до восьми, когда приятели работали на кухне.

— Весёленькое дело! — воскликнул Семён Ильич.

— Так-так, и где же нам его найти? — нахмурился Иван Павлович. Коренастый Вован шмыгнул носом и буркнул что-то неразборчивое. Длинный Димон почесал худую шею и выдал:

— На чердаке кинотеатра его можно выцепить по-любому. Он обычно там зависает.

Через десять минут директор и физрук подошли к зданию кинотеатра, по совместительству служившего актовым залом, и остановились у пожарной лестницы. Иван Павлович задрал голову, прищурившись на небо. Он снял очки, спрятал их в карман и двинулся вслед за Семёном Ильичом: тот уже гроыхал кроссовками по ржавым ступеням.

Добравшись до верхней площадки, они остановились у маленькой двери, обитой листовым железом. В воздухе витал отчётливый запах гари, а над крышей поднимались клубы жидкого дыма. Физрук переглянулся с директором, взялся за ручку двери и решительно дёрнул её на себя.

Из образовавшегося проёма тотчас хлынул густой дым. Стаей чёрных бабочек навстречу выпорхнул ворох клочков жжёной бумаги. Они

закружились в воздухе, оседая на одежде и волосах. Иван Павлович охнул и отступил. Семён Ильич кашлянул, глядя в мутную полутьму. Когда дым немного рассеялся, директор и физрук шагнули в проём, щурясь и прикрывая рты носовыми платками.

Через минуту из задымлённого полумрака появился человек. Он сидел на стуле, положив локти на колени и обратив к вошедшим макушку с неровным пробором. Длинные, почти до плеч, волосы болтались влажными космами, кисти рук свисали вниз, а босые ноги с закатанными штанинами были забрызганы грязью. Белая рубашка, вымазанная сажей, как будто светилась в единственном луче солнца, пробивавшемся из слухового окна. Шёлковый пионерский галстук, обхватывавший шею вожатого, пламенел как огонь. Концы его подрагивали на сквозняке.

Перед сидящим стоял эмалированный таз, в котором, скручиваясь и потрескивая, дотлевал ворох обугленных листов, испуская последние струйки дыма. Рядом валялись обложка книги, выпотрошенная общая тетрадь и серебристая флейта, облепленная комками жёлтой засохшей грязи.

— Антон, — осторожно позвал физрук, вытирая слёзы, — эй... вожатый!

Семён Ильич развернул вожатого к свету и тотчас отпрянул. Директор попятился, ударился головой о балку и мигом вылетел из каморки на площадку, где раскашлялся, тряся пухлыми щеками. Семён Ильич выбрался следом, жадно глотая свежий воздух и вытирая слезящиеся глаза.

— Херня какая-то... — пробормотал он. — Просто херня.

Иван Павлович не сказал ничего.

4

— Да что с ним такое? — воскликнул директор, всплеснув руками. — Пьяный он, что ли, или под наркотой?

Иван Павлович развернулся на каблуках. Круглая физиономия директора рдела, как раскалённый металлический блин, волосы топорщились ключьями, а слипшиеся брови и усы свисали, словно поникшая трава.

С вожатым бились уже полтора часа. За всё это время он не произнёс ни слова. Ни крики, ни обливание водой, ни остальные

попытки привести его в чувство, включая две оплеухи, которые отве-сил ему в сердцах самолично директор «Белочки», не принесли желае-мых результатов.

Вожатый Антон Шайгин сидел на стуле, откинувшись назад и вытя-нув ноги-ходули с грязными босыми ступнями. Его длинные руки свиса-ли плетью. Обращённое к потолку лицо, измазанное сажей, напоминало трагическую маску: оно застыло в одном выражении боли и страдания, почти не двигаясь. Губы вожатого, стёртые до крови, опухли и потре-скались. Из приоткрытого рта вырывались тихие звуки: молодой че-ловек дышал в одном ритме: короткий вдох, медленный долгий выдох. Пионерский галстук слегка колыхался на груди. Могло показаться, что Антон просто спит в такой неудобной позе, если бы не приподнятые веки, под которыми виднелись белки с сеткой лопнувших сосудов.

Вызванная из медблока фельдшерица ослабила узел галстука на шее пациента, посветила ему в зрачки, померила давление, стукнула молоточком по предплечьям и коленям, похлопала по щекам и развела руками: «А я что могу сделать? Вызывайте скорую». Её выпроводили за ненадобностью.

В кабинете директора и так было многолюдно. У стола по стойке смирно стояла раскрасневшаяся и растрёпанная Леночка, неразлучная со своими орудиями труда — блокнотом и ручкой. Старшая вожатая то и дело поглядывала на Варю, словно просила её о чём-то. Администрат-ор стояла, привалившись к стене, с пакетиком «Кукурузки» в руках и сохраняла всё тот же индифферентный настрой. В углу на пуфике сидела прелестная Юля, умытая, с дневным макияжем, с забранными в хвост волосами, в которых ещё заметней проступали рыжие подпа-лины. Засунув обе руки под гладкие ляжки, заключённые в короткие шорты, она то поджимала губы, то снова вытягивала их вперёд, словно выполняя некое мимическое упражнение.

Досрочно вызванная с выходного воспитательница десятого отряда Лидия Георгиевна Ахметова стояла у двери, прижимая к себе чёрную замшевую сумку. Отсутствующий взгляд женщины был направлен на ручку старого полированного шкафа. По обе стороны от окна распо-ложились замдиректора по воспитательной работе Симченко-старший и воспитатель первого отряда Симченко-младший. В одинаковых камуфляжных костюмах, с одинаковыми, стриженными почти под ноль

головами, со сходными хмурыми выражениями лиц и в скопированных друг у друга позах, они сейчас больше походили не на сына и отца, а на братьев: первый выглядел значительно моложе своего возраста, а второй — гораздо старше.

Собравшиеся то и дело сводили взгляды на неподвижной фигуре на стуле, которая была похожа на сломанную куклу, невесть как оказавшуюся в кабинете директора.

Иван Павлович прошёлся туда-сюда и остановился у своего стола.

— Значит, говорите, прятки? — Он глянул на Леночку. — В город пошли? За сладостями? — Глаза директора вперились в лицо Вари. — А с этим тогда что? — Иван Павлович ткнул пальцем в Шайгина. — Он где был?

Люди в кабинете молчали. Никто не хотел озвучивать новые версии, тем более что все наиболее вероятные варианты были перебраны.

— Может, они в поход отправились? — осмелилась выдвинуть предположение Лидия Георгиевна, отрывая взгляд от ручки шкафа. — Я когда в «Берёзке» работала, у нас был аналогичный случай. В индейцев детишки играли. Вырядились в какие-то лохмотья и бродили по чаще. А потом, как проголодались, обратно вернулись.

— Как у вас всё просто получается, Лидия Георгиевна! — воскликнул Иван Павлович, описав рукой круг в воздухе. — Индейцы! Ковбойцы! Сами ушли, сами пришли. Выходит, нам сидеть и ждать, когда они вернуться. Так?

— Ну нет... — замялась Лидия Георгиевна. — Надо, наверное, что-то делать...

— Вот именно! — буркнул Иван Павлович. — Как-то, что-то, каким-то образом. А толком никто ничего сказать не может. И этот вожатый ещё, чтоб ему пусто было...

— А я предупрежда-а-ал, — прикрыв глаза, протянул Симченко-старший. — Этот Шайгин — мутный тип. Не место ему в лагере. Надо было сразу выгнать его. После того случая...

— Во-во! Пральна! — подхватил Симченко-младший. — Я б таких пионеров...

Он глянул на Шайгина выпученными глазами и с силой впечатал кулак в свою же раскрытую ладонь, из-за чего в кабинете прозвучал неприятный влажный шлепок.

— Только не надо этого сейчас, ладно? — Иван Павлович опустил голову и поднял руки, растопырив пальцы. — Не о том нужно думать!

— Не надо так не надо, — согласился Симченко-старший и поправил ремень.

Директор «Белочки» крикнул и отвернулся к окну. Снаружи бушевал знойный июльский день, почти истративший всю первую половину. Аллеи лагеря пустовали. По приказу директора отряды сидели по корпусам под присмотром вожатых и воспитателей. Праздник Нептуна, к которому готовились чуть ли не с начала смены, был отменён. Только дежурный в красной пилотке и с красной повязкой на руке изредка переходил пустующий плац с флажстоками и тут же скрывался за деревьями. Зря играло лучами солнце на безоблачном небе, одаряя мир теплом и светом. Напрасно зеленела трава на лужайке у косогора, где старшие отряды должны были разыгрывать товарищеский матч за звание лучшей команды лагеря. Тщетно блестела вода, зазывая купаться в вычищенном накануне бассейне. Почти триста воспитанников «Белочки» сидели в душных палатах, укрываясь от неизвестной опасности.

Лишь Семён Ильич с группой вожатых прочёсывал березняк у западной границы лагеря, куда старшие отряды иногда убегали покурить и поиграть в карты. Вся территория «Белочки» уже была осмотрена: зашли в каждый корпус, осмотрели каждое помещение, заглянули во все щели — в подвалы, на чердаки, в кусты, в заброшенные строения — и даже проверили мусорные баки на заднем дворе столовой. Леночка же пробежала по лагерю и опросила народонаселение «Белочки». Вернувшись, она сообщила следующее.

Вчера вечером, сразу после ужина, десятый отряд, как и положено по режиму, вернулся из столовой в Синий корпус. К тому времени воспитательница Лидия Георгиевна уже отбыла в город на выходной, полагающийся ей по графику. Антон сказал напарнице, что сам займёт детей, присмотрит за ними до отбоя и уложит спать, намекая девушке, что на остаток дня она может быть свободна. Обрадованная Юля прямо из столовой двинула в вожатскую, где и провела весь вечер за приготовлением декораций ко дню Нептуна. Вернувшись за полночь, Юля, не заглядывая в палаты, пошла к себе в комнату, где благополучно проспала до утра, пока её не разбудила группа во главе с директором лагеря.

Вожатые и воспитанники одиннадцатого отряда утверждали, что вчера звуки флейты доносились с первого этажа чуть ли не до полуночи, но после ужина соседи сверху «десятку» не видели. Рассыльные с кухни, которые, как обычно, поддевятого принесли в Синий корпус «сонник» (пакеты с ряженкой и булочки), оставили еду на столе у входа и ушли. Никого из десятого отряда, включая вожатых, они тоже не заметили, но слышали шум и музыку из игровой.

О том, что происходило после, оставалось только гадать. Предположительно, Антон вывел отряд из корпуса после отбоя и, скорее всего, направился к известной всему лагерю дыре в заборе, через которую малыши бегали в киоск за сладостями, а ребята постарше — в магазин за напитками известного рода. Северный вход был закрыт на замок, на южных воротах круглосуточно дежурила охрана, а перелезть через забор высотой два с половиной метра с острыми пиками, даже при наличии лестницы, было бы весьма проблематично.

— И как, скажите на милость, этому мерзавцу удалось незаметно провести детишек, тридцать человек, через весь лагерь?! — воскликнул директор «Белочки».

Остальные притихли. И без того вопросов было много. Что случилось в игровой? Что означает «кровавая» надпись на стене? Почему дети отправились на ночную прогулку без одежды и обуви? Для чего вышли за территорию лагеря? Что произошло с самим вожатым? И главное — где же сейчас отряд?

— Короче, девочки и мальчики, — нарушил тишину Симченко-старший, — паршивая получается ситуёвина. Первое: детей в лагере нет. Второе: где они, мы не знаем. Возможно, поблизости, а возможно, и у чёрта на куличках. Третье: этот пионер, — он кивнул на Шайгина, — наверняка причастен к пропаже. Но, и это четвёртое, он в отрубке и ничего сказать не может. Вопрос: что будем делать?

Заместитель директора по воспитательной работе повернулся к Ивану Павловичу и приподнял одну бровь. Иван Павлович поджал губы и соорудил такую мину, как будто его смертельно оскорбили.

— Это я вас спрашиваю, что делать! — рявкнул директор, сверкая глазами. — Ваши предложения?

Симченко-старший пожал плечами:

— Я свои предложения высказал ещё в начале смены.

— А сегодня, между прочим, родительский день у средних отрядов, — вставила Варя, ковыряя краску на косяке.

— Я в курсе! — Директор тряхнул головой. — Спасибо, что сказала!

— Пожалуйста, — фыркнула Варя.

— Я вам прямо скажу, — заговорил Симченко-старший глухим голосом. — Мы попали. Все. Дело уголовщиной пахнет.

— Чево-о-о, а-а-а? — протянул Иван Павлович, весь дрожа от негодования. — Ты на что это намекаешь?

— Да завалил он детишек! — выцедил Симченко-младший. — Стопудово! Я б этого придурка... — И он снова впечатал кулак в ладонь с неприятным шлепком.

Заявление замдиректора по воспитательной работе вызвало невероятный всплеск эмоций. Леночка захныкала, приговаривая: «Я не хочу в тюрьму!» Варя принялась её успокаивать. Лидия Георгиевна что-то бормотала, крепче сжимая сумку. Юля надула губки, отвернула голову к окну и прижала колени друг к другу.

— А ну-ка хватит! — скомандовал Иван Павлович. — Леноч, прекрати реветь! Никто тебя в тюрьму не посадит. И ты тоже хорош, Андрей Александрович! Выдумываешь всякие небылицы! Ну какая уголовщина? Трупов же нет.

— Пока, — вставил Симченко-младший.

— Замолчите! — приказал директор и хлопнул несколько раз в ладоши. — Успокоились все! Не мешайте мне! Я думаю...

Иван Павлович засунул руки в карманы мятых льняных брюк и уставился в окно, где томился неизбывный июльский день. Варя успокаивала Леночку, глядя её по волосам. Симченко изучали трещины на потолке. Юля ритмично двигала ступнями в красных баретках, как будто по очереди давила невидимых муравьёв. Лидия Георгиевна прочищала горло, закрывая рукой рот. Прошло пять минут.

— Может быть, — дрожащим голосом начала старшая вожатая, подняв заплаканное лицо, — всё-таки стоит вызвать...

— Что?! — Иван Павлович подпрыгнул, словно мячик, и выпучил глаза. — Кого ты хочешь вызвать, Леночка? Кого, милая моя?

Девушка опустила голову и всхлипнула.

— Да знаешь ли ты, кто в этом отряде у нас числится? — продолжал Иван Павлович. — Сын самого начальника ГУВД Бельска. А ещё кто, знаете? Ну вот! Так что не надо мне тут тинь-тинь!

Леночка провела рукой по красной шее и глубоко вздохнула. Варя ободряюще кивнула ей. Юля поёрзала на стуле и поудобнее устроилась на собственных ладонях. Лидия Георгиевна опустила руки с сумкой.

— Никого вызывать не будем, — объявил Иван Павлович после минутного раздумья и мазнул мутным взглядом по лицу каждого. — Сами найдём ребятешек. Не могли они далеко уйти. Оболтусы! И без паники мне тут! Ясно?

— Пум-пум! — задумчиво сказала Варя и тут же прикрыла рот рукой.

5

Опираясь на выясненные в ходе опроса обстоятельства, стали придерживаться версии, что Шайгин увёл детей в Комовский бор и оставил их там. В расчёте на то, что отряд не мог уйти далеко, директор решил отправить на поиски три группы. Одной предстояло обыскать участок за старой эстрадой, другой — отправиться по просеке на север, а третью направляли к ложине Каменного ручья за мостом. Уже были готовы три поисковые бригады по десять человек в каждой, отец и сын Симченко повязали на головы одинаковые банданы цвета хаки, нацепили на пояса одинаковые красивые охотничьи ножи, а Иван Павлович приготовился произнести последнее напутствие, как в этот важный момент возникла заминка. С улицы донёсся шум, на лестнице заговорили беспокойные голоса, а через полминуты в кабинете появился Семён Ильич, ведя перед собой стриженного ёжиком мальчика в шортах и футболке.

— Вова! — воскликнула Лидия Георгиевна, приседая перед мальчиком и хватая его за плечи. — Как ты? В порядке? А где все? Где остальные?

Вова глядел на взрослых исподлобья поверх круглых, «докторских», очков. Обеими руками он прижимал к животу литровую, затянутую сверху марлей банку, в которой металась крупная серая ящерица. Иван Павлович пододвинул на середину комнаты стул, усадил на него воспитанника и самолично взялся вести расспросы.

По словам мальчика, сразу после ужина дети собрались в игровой на мероприятие — это было часов в девять. Сам Вова туда не пошёл, а остался в палате читать книгу о динозаврах и за этим занятием незаметно уснул. Проснувшись утром в одиночестве, он решил, что остальные, должно быть, ушли в столовую, забыв его разбудить. Опасаясь получить нагоняй, мальчик решил пропустить завтрак и отправился к своему излюбленному месту, старой эстраде, ловить ящериц, где его и обнаружила группа Семёна Ильича.

— Ну и куда же все ушли?

— Не знаю, — пожал плечами Вова.

— Ну как это «не знаю»? — вздохнул директор. — Что хоть за мероприятие-то было?

— Ну как... — Вова поёрзал на стуле. — Играл он...

— Играл? — Иван Павлович нахмурился. — Как это играл? Во что?

— Да ни во что. На флейте играл. Ду-ду, ду-ду.

— Да, я позволяла Антону играть детям перед сном, — вклинилась Лидия Георгиевна, будто оправдываясь. — А что такого? В этом же ничего предосудительного нет...

«Ур-р-р», — прогудело в воздухе. Одновременно по стене и полу пробежала неприятная вибрация, как от гудения двигателя. Не успели люди сообразить, что происходит, как под потолком что-то хлопнуло, словно вылетела пробка из бутылки.

Вова вздрогнул. Руки его разжались, и банка, соскользнув с коленей, вдребезги разлетелась по паркету брызгами звенящих осколков. Хлётко чиркнула по полу юркая серая тень, метнулась молнией по стене и выскочила в окно. Звякнули кольца на занавесках, раздутых порывом ветра. Иван Павлович вцепился пальцами в запястье Лидии Георгиевны, открыл рот, но сказать ничего не успел.

— Ду-ду! — прогудел низкий голос.

Все повернулись к Шайгину. В тот же момент Антон вдруг подпрыгнул на стуле, словно чья-то невидимая рука рванула его за шиворот рубашки и усадила прямо. Концы красного галстука взметнулись вверх, ноги вожатого дёрнулись, а длинные руки подбросило. Несколько секунд Антон сидел, покачиваясь всем телом вперёд-назад, мотая головой и широко раскрыв налитые кровью глаза. Лицо вожатого, до того

каменно-спокойное, вдруг ожило: лоб прорезали морщины, брови поднимались и опускались, а зубы обнажились в отвратительном оскале.

— Ду-ду-у-у! — протянул вожатый. — Ду-ду-у-у!

Иван Павлович выпустил руку Лидии Георгиевны и шумно вобрал воздух, словно во рту у него оказался горячий пельмень. Сделав два шага назад, он врезался спиной в шкаф и ойкнул. Звон стекла слился с визгом Юли, сложившейся на пуфике пополам, будто у неё прихватило живот. Леночка, прижимая стиснутые кулачки ко рту, вжалась в стену, кривя лицо в беззвучном крике. Лидия Георгиевна застыла столбом, продолжая держать замершего Вову за плечи, а оба Симченко одновременно чуть присели, будто собираясь броситься вперёд. И все не отрывали глаз от Шайгина, с которым происходило что-то невероятное.

Вожатый ещё раз подскочил на стуле и сел прямо. Рот его сложился в искусственную клоунскую улыбку. Руки с поднятыми локтями подпрыгнули вверх, пальцы изогнулись, сжимая воображаемую флейту, а кисти образовали замысловатую композицию. Застыв в таком положении, вожатый собрал уголки рта и растянул опухшие стёртые губы.

— Ду-ду-у-у! — запел он хриплым голосом, перебирая пальцами по клапанам невидимого инструмента. — Ду-ду-у-у!

Шайгин наклонялся то в одну, то в другую сторону. Босые ноги музыканта то вытягивались, то выпрямлялись по очереди, будто он танцевал, тело качалось маятником из стороны в сторону, а стёртые губы чуть шевелились. Концы красного галстука трепыхались, как будто раздуваемые сильным ветром.

— Ду-ду-у-у! — раздавалось в кабинете. — Ду-ду-у-у!

Голос вожатого то срывался в фальцет, то уходил в нижний регистр, губы то вытягивались, то уплощались, ноги продолжали дёргаться, а присутствующие на этом ужасном концерте смотрели и слушали, не в силах пошевелиться.

— Ду-ду-ду-ду-ду! — протараторил вожатый с пулемётной скоростью и вдруг захохотал деланным петрушечьим смехом: — Их-ха-ха-ха-ха!

— Остановите его! — завизжала Юля, прижимая ладони к ушам. — Остановите! Ради бога...

И тогда Симченко-старший встrepенулся, отделился от стены и, размахнувшись, ударил вожатого в солнечное сплетение. Флейтист тотчас обмяк на стуле и упал бы, если бы директор по воспитательной работе

не удержал его. В кабинете установилась почти полная тишина, и только мерзкое «ду-ду-ду» продолжало звенеть эхом в ушах.

— Ну, вот и всё, — прошептал Симченко-старший.

Иван Павлович икнул и опустился на стул. Заплакал с надрывом Вова, таращась на осколки разбитой банки. Лидия Георгиевна судорожно, большими глотками вбирала в себя воздух, держа мальчика за плечи и не осознавая, что трясёт его, как куклу. Юля разогнулась и бросилась вон из кабинета. Варя выдала трёхэтажное ругательство и вылетела вслед за ней. Леночка сползла по стене, опустилась на пол и разрыдалась, закрыв лицо руками.

Симченко-старший отпустил вожатого, который снова обмяк на стуле. Замдиректора указал сыну на Шайгина, потом сделал знак Ивану Павловичу, и оба тотчас вышли из кабинета. Через минуту они сидели на ступенях крыльца.

— Вот что, Палыч, — буркнул Симченко-старший, глядя на клумбу с бархатцами, — там, в лесу, какая-то нездоровая дрянь приключилась. Так что мы туда не пойдём. Не проси даже.

— Угу, — отозвался Иван Павлович. — Ик!

Сверху слышались голоса, плач Вовы, рыдания Леночки, наставления Лидии Георгиевны. Вскоре всё стихло. Через две минуты на крыльце появилась Леночка с пустыми руками. Её глаза были припухшими, а ресницы — мокрыми от слёз.

— Ленок, — Иван Павлович, не оглядываясь, поднял руку с пухлыми дрожащими пальцами, — давай звони... Вызывай эту... милицию.

Старшая вожатая помедлила, повернулась и скрылась в корпусе. Было слышно, как она набирает номер и громко говорит: «Алло!»

— А с пионером что? — спросил Симченко.

— В изолятор его, — отозвался Иван Павлович. — И охрану поставьте.

Он помолчал, закрыл лицо руками и простонал:

— Что сейчас начнётся!

Из показаний свидетелей

Юлия Кузнец, вожатая десятого отряда (19 лет):

«Поначалу Антоха показался мне таким недоделанным. На пьянки не ходит, в карты не играет, спортом не занимается. Всё книжки заумные читает да на дудке дудит. Потом я его немного узнала, и меня к нему потянуло. Мне всегда нравились высокие парни. Подумывала замутить с ним, да только ничего не вышло. Чудной он. Не от мира сего. По-моему, он вообще девственник.

Другие вожатые его недолюбливают, а вот дети от него кайфуют конкретно. Странно, но чем-то он их привлекает. Они подчиняются ему беспрекословно, хотя Антоха никогда не кричал на них, ни разу не наказывал. Пошутит, улыбнётся, подмигнёт — и они уже такие шёлковые. Укладывает спать отряд на раз-два. Я даже завидовала: как это у него получается? У меня иногда по полтора часа уходило, чтобы четыре палаты успокоить.

Вчера вечером он был реально взбаламучен. На бодрячках. Никогда его таким не видела. Будто перед свиданием. И меня зачем-то отпустил. Что там в лесу произошло — я в душе не чаю. Вряд ли Антон детей порешил. Не такой он человек. К тому же отряд попался такой боевой! Вы не знаете “десятку”. Они себя в обиду не дадут».

Иван Филинов, вожатый одиннадцатого отряда (20 лет):

«Антон Шайгин — это человечиче. Без преувеличения. Я с ним мало общался, хотя наши отряды в одном корпусе размещаются. Он был сам по себе. Ни с кем особо не сближался. Меня всегда поражала в нём одна вещь... У него же такие способности: талантливый музыкант, институт окончил за два года, диссер написал. Круто же, да? Получается, ему с малолетства такие перспективы открывались, а он не воспользовался шансом. Зарыл талант в землю. Не понимаю, для чего в лагере работать при такой голове.

Прошлой ночью я был наверху. Укладывал детей. Моя напарница Валя была в Оранжевом корпусе и помогала остальным готовиться ко дню Нептуна. Ничего необычного вчера не заметил. Разве что после отбоя флейта играла. Так и раньше бывало. Антон часто детям играл.

А вообще “десятка” странная была. Дети там такие подобрались, себе на уме. Никогда таких не видел. Лето на дворе, жарища, а они, бывало, за книжками сидят. И все какую-то муть читали».

Николай Валерьевич Солин, охранник (34 года):

«Про Антона ничего плохого сказать не могу. Другие говорят, что он ненормальный, но это из зависти. Я ничего странного за ним не замечал. Общались мы, правда, мало. Но его же все знают. Вы же помните, что в девяностом было? Мне отец рассказывал. То, что он сделал, — это однозначно подвиг.

Вчера вечером мы ничего подозрительного не заметили. Если б целый отряд через лагерь ночью пошёл, мы б заметили, сто процентов. Тем более что Синий корпус почти на виду стоит. Точно вам говорю, никто оттуда не выходил».

Глава 2

Милиция

1

Пока происходили вышеописанные события, стрелки часов приблизились к полудню, наступило время обеда, и в столовую друг за другом потянулись отряды. Лагерь продолжал жить по обычному режиму, как будто ничего не случилось, только за этой видимостью, за тонкой и прозрачной, как целлофан, завесой проглядывала совершенно иная действительность. Иван Павлович уже примечал её в незначительных деталях.

По лагерю поползли нехорошие слухи. Директор сам слышал, как вожатая восемнадцатого отряда говорила двум расшалившимся сорванцам, что, если они будут плохо себя вести, их «тоже заберут в лес». Два или три раза до ушей главы «Белочки» долетело страшное и неприятное слово «похищение», а один раз ему показалось, будто кто-то громко сказал, что «уже ничего не исправить», и это вконец выбило бедного Ивана Павловича из колеи.

Иван Павлович ходил по кабинету из угла в угол. В нос то и дело ударял мерзкий запах одежды, пропитанной гарью, и голос вожатого повторял отвратительное «ду-ду». В половине первого открылась дверь.

Директор повернулся с радостным выражением лица, но, увидев приземистого человечка в милицейской форме с погонами майора, который буквально впрыгнул в кабинет в сопровождении Леночки, тотчас же сник.

— Здравствуйте, Иван Павлович! — произнёс гость с деланой улыбкой и с таким же фальшивым добродушием потряс маленькой, но крепкой ладонью мягкую руку Ивана Павловича. — А вы кого ожидали? Я всё-таки начальник отделения города Комово. Без меня никак. Опять у вас что-то стряслось? Опять милиция понадобилась? Майор Ким по вашему приказанию прибыл!

— Добрый день, Леонид Ефимович, — промямлил директор «Белочки». — Беда у нас. Отряд пропал...

— Целый отряд? — как будто удивился майор Ким и глянул на Леночку. — Ай как нехорошо! Надо же! Куда ж он подевался?

Выслушав объяснения директора, майор Ким, не убирая поддельной улыбки с лица, проговорил:

— И снова тот самый вожатый замешан? Какое совпадение! То голые вожатые, то голые дети. Что у вас за лагерь такой?

С этими словами Ким взял Леночку за плечи, развернул к двери и выдворил из кабинета. На лестничной клетке зазвучали приглушённые голоса обоих Симченко и Вари. А майор прикрыл дверь, отвёл Ивана Павловича в угол, где разговор принял уже совершенно другой оборот.

— Ты чё мне тут лепишь, лось?! — тихо заговорил майор тонким сипловатым голосом, глядя в лицо директору. — Чё ты мне ссанину льёшь в уши, а? За лоха меня держишь? Чё за шняга такая?

Иван Павлович всхлипнул под напором бесконечных «чё». А Ким продолжал свою атаку:

— Два происшествия за одну смену! Это чё? В прошлый раз я пошёл тебе навстречу, чтобы «побыстрее всё уладить». И только благодаря мне эта история не просочилась в прессу. А вот не надо было... Непростой у тебя лагерь, видать. И снова тот вожатый. Тут одной взяткой должностному лицу не обойдёшься. Так что... либо ты рассказываешь мне, что на самом деле в лагере произошло, либо я тебя сдаю со всеми потрохами. Поэт!

Директор «Белочки» потянулся пухлой дрожащей рукой к графи-ну. Горлышко выбивало дробь о стакан, пока Иван Павлович пытался

нацедить себе воды. Он сделал несколько торопливых глотков, вытер губы рукой и присел на диван. Директор ещё мялся с минуту, потом поднял взгляд на злого гостя и проговорил:

— Дело в том, что Шайгин...

Майор Ким наклонился, и директор прошептал несколько слов на ухо начальнику отделения Комово. Тот глянул на Ивана Павловича, как будто собирался ударить его.

— И чё, после этого ты оставил его в лагере? — медленно проговорил Ким, не отрывая взгляда маленьких мышинных глаз от лица собеседника.

Директор «Белочки» едва заметно кивнул. Ким смотрел на него с минуту, прошёлся от окна к окну и снова остановился у диванчика, на котором сидел Иван Павлович.

— Ладно, — усмехнулся Ким. — Чё теперь вату катать. Эта... экскурсия как-то связана с пропажей? Нет? Точно? Тогда вот чего: пока о ней не говорим никому. Если узнают про вожатую, подтвердим. Про остальное — ни слова. И своих предупреди. Поэл?

Иван Павлович закивал.

— Молодец! Теперь насчёт отряда, — майор Ким потёр подбородок. — Ща тут будет куча народа. Пока следак с опергруппой не прискакали, пойдём по-быстрому с вожатым перетрём. Попробую привести его в чувство. Может, чего и нароем.

Майор Ким с Иваном Павловичем выбрались из кабинета. Директор велел Леночке и Варе ждать в фойе, а обоим Симченко приказал следовать за собой. Вчетвером они вышли на улицу. Возле облезлого милицейского уазика топтались двое ребят в форме ППС. Поодаль, у зелёной «шестёрки», курили два опера, которые по знаку Кима подошли неторопливой походкой. Вместе все двинулись к медкорпусу.

Репродуктор внутренней связи издавал тихое шипение. Был сончас, но в лагере никто не спал. Напуганные дети даже не раздевались, а воспитатели не настаивали, разрешив своим подопечным провести время дневного отдыха по своему усмотрению.

Майор Ким провёл в изоляторе около получаса. Он пробовал привести вожатого в чувство, но не добился весомых результатов. По распоряжению начальника отделения Комово двое оперов перенесли Шайгина

в салон старой зелёной «шестёрки» и повезли его в психоневрологический диспансер на освидетельствование. Сам Ким с патрульными и обоими Симченко приступил к осмотру территории «Белочки».

Иван Павлович не пошёл с ними. Он позвал в кабинет Леночку, Варю, Лидию Георгиевну, Юлю, вожатых и воспитательницу одиннадцатого отряда. В течение получаса он глухим голосом давал наставления, переспрашивая поминутно: «Понятно вам?» Когда собрание закончилось, Леночка и Варя отправились по корпусам, воспитательницы и вожатые уселись на лавочках, где сидели в молчании какое-то время.

А Иван Павлович снова хлебнул воды, прошёлся от стены к стене, выглянул в окно. На месте ему не сиделось, и он вышел на улицу. Начальник «Белочки» слонялся по аллеям минут двадцать. То и дело он видел Кима с патрульными и Симченко, которые бродили то в одну сторону, то в другую. Майор что-то говорил. Симченко спорили.

Чтобы не видеть их, Иван Павлович свернул на боковую дорожку. Солнце немилосердно палило, порывами налетал неприятный жаркий ветер, а лицо щипал липкий пот. Добравшись до стенда с фотографиями вожатых, директор опустился на скамейку в тени и склонил голову. Землю усеивали сухие семена берёзы и пожухлые серёжки, между которыми бегали муравьи. Ветер нёс по асфальту скатки пуха, сухие листья и разорванный пакет из-под кукурузных шариков. В косых лучах солнца метались, изредка зависая в воздухе, мухи-журчалки, в кустах чирикали птахи, и невидимый кузнечик выводил свою громкую стрекочущую песнь.

— Иван Павлови-и-ич! — донеслось издалека. — Прие-е-ехали!

Директор поднял голову. В конце дорожки стояла Леночка и махала ему издали рукой. Иван Павлович пригладил мокрые от пота волосы и быстро, насколько ему позволяли габариты, рванул к административному корпусу. Здесь, у крыльца, приткнувшись бамперами к клумбе, стояли две машины: стандартная серая милицейская «буханка» и «Лада Самара 2» с ведомственными номерами. Сонная Варя, стоявшая в тени ирги, сообщила, что опергруппа отправилась на «место происшествия».

Оставив Леночку с Варей, Иван Павлович со всех ног побежал в Синий корпус. Около крыльца светловолосая девушка в милицейской форме играла с детьми в догонялки. Поймав кого-нибудь, она тормозила

то одного, то другого воспитанника и так заразительно смеялась, что сам директор против воли улыбнулся.

— Меня зовут Яна, — улыбнулась девушка. — Вы проходите!

— У нас, между прочим, сон-час! — буркнул Иван Павлович, но на большее его не хватило.

Внутри Синего корпуса директор лагеря нашёл лишь серьёзного типа в серых брюках, чёрной водолазке и латексных перчатках. Человек бродил по коридору, внимательно рассматривая дощатый пол. В одной из палат на полу стоял раскрытый чемодан с мудрёными инструментами, на тумбочке лежал потрёпанный фотоаппарат «Зенит-ЕТ» со вспышкой, а в помещении стоял чужой неприятный запах. Человек представился экспертом-криминалистом (имя и фамилию директор «Белочки» не разобрал) и перенаправил его в Жёлтый корпус.

В разгромленной комнате директор застал двух молодых людей в милицейской форме (они оказались стажёрами) и ещё третьего, облачённого в джинсы и клетчатую рубашку, поверх которой был надет потёртый пиджак из чёрной кожи.

— Старший оперуполномоченный Сергеев, — представился он и вернулся к своему занятию.

Опер собирал с пола пинцетом клочки бумаги и складывал находки в пакетики. Один из стажёров, высокий и светловолосый Максим (он жевал ранетки, держа их в ладони), сообщил, что следователь «вместе с близнецами» ушёл к кинотеатру. Другой, горбоносый Валерий, кивнул.

Потный и задыхающийся Иван Павлович добрался до здания кинотеатра, но там ему было сказано, что опергруппа ушла в сторону старой спортплощадки. Добравшись туда, директор оказался в самом дальнем и редко посещаемом уголке лагеря. Здесь располагались старый хозяйственный корпус, несколько ветхих деревянных домиков и заброшенная спортплощадка, которую теперь использовали для складирования различного хлама.

Он собирался уже повернуть обратно, как откуда-то сбоку до его уха долетел собачий лай. Иван Павлович повернул голову, и его пшеничные брови тотчас же сдвинулись. Из-за кустов вылез широкоплечий приземистый и оттого кажущийся почти квадратным мужик в рубахе навыпуск и светлых брюках, очень похожий на заблудившегося дачника. Он огляделся и зашагал через лужайку с таким беспечным видом,

как будто находился у себя на садовом участке. Издалека можно было заметить, что в руке он держал белую книгу в прозрачной обложке.

События прошедшего утра здорово потрепали директора «Белочки», но вид постороннего, незаконно проникшего на территорию, тут же разбудил в Иване Павловиче начальника.

— Э, ты чего тут прогуливаешься?! — заорал он. — Я тебе говорю: чего гуляем тут?! Это же не парк! Тебе кто сюда пройти разрешил?! Ну-ка, давай живо обратно!

«Дачник» как будто не удивился. Он повернулся на голос, махнул Ивану Павловичу и неторопливо зашагал к нему. Меньше чем через полминуты он уже стоял перед директором «Белочки», уперев одну руку в бок, и улыбался, похлопывая себя книгой по бедру. «Мамаев. Атлас-определитель насекомых», — прочитал Иван Павлович на обложке.

— Вы кто такой? Это, между прочим, закрытая территория, — продолжил Иван Павлович. — Здесь нельзя шастать кому попало.

Он замолчал, поперхнувшись собственными словами. «Дачник» стоял ослабившись и рассматривал директора «Белочки» с таким видом, как будто выбирал подержанный автомобиль.

— Хрущ июньский, — вдруг сказал «дачник».

— Простите?

— Я говорю, вы просто хрущ июньский, — повторил незнакомец. — Всё жужжите и жужжите. Спасу от вас никакого нет.

С этими словами «дачник» раскрыл «Атлас-определитель», полистал его и сунул книгу директору под нос. В углу страницы был изображён большой коричневый жук с булавовидными усами. «Хрущ июньский» — значилось под рисунком.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Иван Павлович. — Какой хрущ? При чём тут я?

— Да посмотрите только! — оживился «дачник». — Вы же просто братья-близнецы. Оба толстые, усатые и блестящие. Оба жужжите. Ну?

«Дачник» расхохотался, придерживая панаму, но глаза его пристально и цепко продолжали следить за директором. Иван Павлович поджал губы и насторожился. Несмотря на белиберду, которую нёс квадратный человек, и его беззаботный вид, от него почему-то веяло тревогой.

— Ну, знаете ли... — буркнул директор.

— Да вы не обижайтесь, — примирительно сказал «дачник», продолжая разглядывать Ивана Павловича. — Видите ли, я всех людей с кем-нибудь да сравниваю. Привычка у меня такая.

Иван Павлович кашлянул, нахмурил брови и затопорщил усы.

— А вы, собственно, кто?

Человек извлёк из нагрудного кармана небольшой красный прямоугольник, ловким движением разделил его надвое и протянул в лицо Ивану Павловичу:

— Капитан Стаев. Старший следователь прокуратуры по Зареченскому району. Говорят, у вас тут отряд пропал. М?

— Уф-ф-ф, — запыхтел Иван Павлович, всплеснув руками. — Мы вас давно ждём. С самого утра. Меня зовут...

— Иван Палыч Половняк, — опередил его гость. — Директор детского оздоровительного лагеря «Белочка». Будем знакомы!

Стаев энергично потряс вялую ладонь директора и улыбнулся ещё лучезарнее.

— Лагерь у вас просто прелесть! — заговорил следователь после ритуала знакомства. — Вы только посмотрите, какие красоты! Природа! Лес, луг, речка вон за забором... Хорошо-то как! А погоды какие стоят! Окунуться бы щас. А, Иван Павлович? Тут у вас, наверное, и пляж имеется, а?

— Имеется, — автоматически ответил польщённый директор. — Только... я бы рекомендовал бассейн. Речка грязная. Туда стоки сливают. А бассейн накануне чистили. И вообще у нас лагерь первый по области. Столько наград. Даже сам губернатор...

Тут директор осёкся. Глаза Стаева вдруг посветлели, а его твёрдый взгляд воткнулся директору «Белочки» прямо в переносицу, будто вилка с двумя зубцами. Всё добродушие исчезло из облика следователя. Под этим взглядом Иван Павлович сжался и даже попятился.

— Рассказывайте! — быстро сказал Стаев. — Излагайте всё как есть. Да побыстрее! Пошароваристой, как говаривала моя матушка. А то время срать, а мы не ели. Ну?

— Отряд у нас пропал... — замямлил Иван Павлович. — Тридцать человек.

— Как считаете, куда делись ребятки?

Иван Павлович хлопнул глазами и раскинул руки.

— Да тут и думать нечего! Вожатый их увёл... Шайгин Антон.

— С чего вы решили, что увёл их именно он? Разве кто-то видел, как он выводил отряд из корпуса? Или он сам вам об этом сказал?

— Нет. Никто не видел. А вожатый ничего не говорил. Он...

— Значит, можно предположить, что это сделал кто-то другой.

В конце концов, дети могли уйти сами.

— Ну что вы! С чего им уходить-то?

— Мало ли что ребятам в голову взбредёт, дорогой гражданин Хрущ, — без юмора улыбнулся Стаев. — Дети — существа непредсказуемые. К тому же вон и дыра в заборе имеется. Все условия для побега. Тут не захочешь, а сбежишь.

Следователь вдруг приосанился. Он вытянулся, объём из его тела исчез, и перед Иваном Павловичем предстал не человек-квадрат, не рыхлый дачник в панаме, а плотный мужчина средних лет. При виде такой стремительной трансформации, произошедшей прямо у него на глазах, директор «Белочки» аж присел.

— Ну что, Хрущ, сам признаешься или как? — вдруг выдал Стаев жёстким голосом. — Бил детишек-то? Наказывал? Ещё чего с ними делал? Давай колись! Я же про тебя всё-ё-ё узнал. Договоримся так: оформим тебе чистосердечное, получишь три года условно — и дело шито-крыто. Идёт? А будешь упрячиться — я тебя, гнида, упеку на до-о-олго. Понял? Даю минуту. Время пошло.

Стаев круто развернулся и затопал по направлению к главной аллее, помахивая «Атласом-определителем». Иван Павлович спохватился только секунд через десять и бросился догонять следователя. Почти сферическая, как надутый мяч, фигура директора стала понемногу расплываться и терять округлые очертания.

— Да помилуйте, гражданин следователь! — воскликнул директор. — Я же... да я тут совсем ни при чём!

Забежав вперёд, Иван Павлович чуть не бухнулся на колени перед следователем.

— Невиноватый я! — завопил директор. — Честное слово! Признаюсь, с родителей лишние деньги брал. Из кассы средства иногда присваивал. Договоры левые заключал. Детей не бил. Пальцем их не трогал. Ей-богу! Вот вам крест, господин следователь!

Иван Павлович изобразил неумелый молитвенный жест.

— Верю, верю, — Стаев опять заулыбался, похлопал директора по плечу, покачал головой. — Да не убивайтесь вы так! Ежели виноваты, то отвечать будете по закону. А нет — так идите себе, как говорится, на все шесть сторон.

Стаев подмигнул директору и снова превратился в весёлого, добродушного «дачника».

— Ну, Хрущ! — воскликнул он. — Пошли!

Иван Павлович с натугой улыбнулся сквозь выступившие слёзы, утёр влажные усы и двинулся за следователем. Они вышли на главную аллею и направились к административному корпусу. Откуда-то дребезжало расстроенное пианино, и хор детских голосов старательно выводил:

— По да-а-альним стра-а-анам я-а-а броди-и-ил...

Голоса неприятно покоробили Ивана Павловича. Он остановился, заоглядывался в поисках источника музыки. Стаев тоже замер, наблюдая за директором. Пение постепенно затихло, пианино умолкло. Иван Павлович нахмурился, пожал плечами, и они со следователем продолжили путь.

3

Через минуту Стаев и Иван Павлович подошли к зданию администрации. Леночка и Варя сидели на скамейке. В стороне стояли Лидия Георгиевна и Юля. Симченко при виде директора выпрямились в ожидании распоряжений. Директор даже не посмотрел на подчинённых. Он старался не отстать от Стаева. А следователь по-мальчишески вспрыгнул на крыльцо, ещё стремительней преодолел два лестничных пролёта и влетел в кабинет директора. Иван Павлович едва поспевал за своим прытким гостем.

Здесь на столе в пакетах лежали найденные на чердаке предметы: флейта, футляр от неё, обложка безымянной книги, обложка общей тетради, обрывки обгоревших страниц и клочки бумаги. Рядом стоял допотопный коричневый чемодан, в который были сложены вещи Шайгина: книги, аудиокассеты, одежда, пара серых кроссовок. На подоконнике лежало несколько пар тапочек из игровой.

Следователь устроился за столом, скинул свою дачную панаму и положил атлас на тумбочку. Затем он достал блокнот, папку, разложил перед собой листы бумаги с бланками протоколов, с удовлетворением

крякнул и повернул голову к окну. Взгляд его стал задумчивым и отстранённым. Как быстро порой меняется жизнь! За двадцать лет службы пора бы и привыкнуть к таким неожиданностям, да не получается. Каждый раз как снег на голову.

Служебная машина приехала за ним прямо на дачу, куда он отправился на выходные с женой и дочерью. Заметив знакомый уазик, Стаев набросил на плечо сумку с документами и выбежал за ворота, даже не успев попрощаться с родными, которые ушли гулять к озеру. Бросил соседу: «Передай, пусть к обеду не ждут!» — и заскочил в машину.

По дороге опер Сергеев обрисовал ситуацию. Стаев поначалу не поверил: неужели целый отряд? Подумал: ложный вызов, ошибка, шутка. Но когда по прибытии всё подтвердилось, Стаев даже поморщился от жжения в груди и схватился за перила крыльца, как если бы у него кружилась голова. Минут пять он сидел на скамье, потирая подбородок и оглядываясь, как человек, попавший в незнакомое место и понятия не имеющий, как он тут очутился.

Все дела похожи друг на друга. Кажется, в Библии сказано: случится то, что уже случилось, будет то, что было. Так в ходе расследования всегда можно выявить общий паттерн и, действуя по аналогии, распутать дело. Но только не в этот раз. Стаев не мог припомнить случаев пропажи такой большой группы детей. И пусть на первый взгляд дело казалось плёвым (главный подозреваемый определён, примерное местонахождение отряда известно), что-то не давало покоя Стаеву, словно эта простота была ширмой, скрывающей истинное положение вещей.

Возможно, роль сыграло необычное место преступления. Стаеву ещё никогда не приходилось выезжать в детские учреждения. И в этом отношении поездка в «Белочку» стала путешествием в прошлое. С первых же мгновений, как только он прошёл через ворота, на следователя накатило волнение, какое испытывает ребёнок, входящий в парк аттракционов. Он ещё не подозревал, какие развлечения уготовил ему день, но волнение от предвкушения чего-то необычного усиливалось с каждой минутой. Стаев осмотрел места преступления, опросил нескольких очевидцев и, оставив членов своей группы, отправился бродить по аллеям лагеря под предлогом знакомства с топографией. (В конце своего путешествия он и встретил Ивана Павловича.)

Лагерь. Ещё тринадцать лет назад он назывался пионерским. Теперь это ДОЛ. Странное буквосочетание. Но хорошо ещё, что вообще сохранился. Раньше все лагеря числились на балансе предприятий, а после реставрации капитализма не приносящая доходов статья бюджета вдруг стала не нужна учреждениям, которые оказались в жесточайшем кризисе и банкротились одно за другим.

Последний раз Стаев был в лагере больше тридцати лет назад, то есть году этак в семьдесят втором. И было ему в лучшем случае столько же, сколько пропавшим воспитанникам десятого отряда, — около тринадцати. Только тогда всё было иначе. Пусть новоявленный капитализм за двенадцать лет не успел сильно отпечататься на облике «Белочки», следов даже позднего «совка» не было заметно нигде. Следовательно вдруг оказался в безвременье и подумал, что, если сфотографировать эти унылые корпуса, дорожки, ворота, вряд ли кто сможет точно определить время снимка. Хотя, может быть, это отсутствие маркеров времени и было духом эпохи?

Так чем же отличался пионерский лагерь от постсоветского ДОЛа? Сказать навскидку было сложно. Следовательно поднапрягся, но не смог вспомнить ничего конкретного из своего прошлого. Смутные образы выныривали и тотчас пропадали: отряды детей в форменных рубашках и шортах, красные знамёна с бахромой, синяя школьная форма, белые фартуки пионерок — вот и всё. Неужели память не сохранила больше ничего со времён детства? В разочаровании Стаев пошёл по дорожке к главной аллее. Встреча с прошлым не состоялась. Поездка назад во времени оказалась фальшивой.

Возвращаясь, Стаев решил срезать путь, сошёл с дорожки на газон и побрёл по некошеному лугу, где вперемежку росли и тимopheевка, и борщевик, и гусятая лапка, и сотни других трав. И вот тут совершенно неожиданно его и настигло прошлое! Пройдя несколько шагов, он вдруг остановился, уловив запах: горькое благоухание цветущей полыни — терпкий до оскомины, до горечи во рту. Аромат сорной травы как будто оказался ключом, открывшим крышку ларца воспоминаний, и потянул за собой целую вереницу почти реальных обонятельных и вкусовых ощущений: приятная сырость общей бревенчатой бани, ядрёный запах хозяйственного мыла в больших брусках, дым пионерского костра,

пьянящий аромат свежих сосновых поленьев, разваренная солёная перловка с тушёнкой, поджаренный над огнём хлеб.

Вслед за запахами и вкусами появились образы: горнист с запрокинутой головой и устремлённым в небо, сверкающим на солнце золотым раструбом, реющее над ним красное знамя, герб с колосьями и земным шаром, гипсовый бюст Маресьева, портрет Брежнева... И тотчас советскость, которой раньше не наблюдалось в «Белочке», начала буквально лезть из всех щелей.

То тут, то там Стаев замечал осколки империи — артефакты из Атлантиды, — которых не видел раньше. На стене Зелёного корпуса, за разросшимся клёном, обнаружилась мозаика из кусочков разноцветного камня. Тематика привычная: Ленин с поднятой вверх и в сторону рукой, Гагарин в скафандре, взмывающая ввысь ракета, обнажённый мальчик на красном пегасе, пшеничное поле и комбайны на нём, металлургический завод и рабочие у домны.

Пройдя немного вперёд, Стаев попал на заброшенную спортплощадку, где среди покорёженных и ненужных снарядов стояли и старые нежилые корпуса. Дававшие когда-то пристанище детям, теперь они использовались как склад различной рухляди. Прильнув к мутному стеклу, капитан словно заглянул в прошлое. Здесь была советская атрибутика, уложенная в беспорядке прямо на полу, книги на полках с названиями на корешках крупными буквами: «СССР», «ПОЛИТЭКОНОМИЯ», «МАРКС», «ЭНГЕЛЬС», старые парты и стулья. За старыми домиками, в кустах дикой смородины, он обнаружил настоящее кладбище — сваленные в беспорядке гипсовые статуи пионеров, горнистов, гимнастов. Побелка сошла с алебастровых тел, материал местами полностью разрушился, обнажив ржавый арматурный скелет, но на лицах вечно молодых ребят по-прежнему сохранялись решимость и отвага. Наконец в самом отдалённом углу гранитный бюст Ленина уныло зарастал мхом. Ильич укоризненно глянул на следователя, и тот не выдержал, отвернулся.

Стаев выбрался из зарослей на тропинку и остановился. Последний приступ ностальгии вызвал серию смутных образов: Высоцкий с гитарой, взмывающий вверх Мишка с кольцами, кубик Рубика, Мальчиш-Кибальчиш в будёновке и на коне, Данко с собственным сердцем в руке, связанный Орлёнок на краю утёса. Из воспоминаний его вырвал окрик Ивана Павловича.

«Ну да ладно! — подумал Стаев, вставая и прохаживаясь по кабинету. — Поностальгировал — и хватит. Делом надо заниматься. Случай, конечно, беспрецедентный — целый отряд пропал. Вскоре сюда примчатся и городской прокурор, и представитель отдела по делам образования, и куча разного другого народа. Жуки навозные! К их приезду нужно выяснить как можно больше.

Итак... с одной стороны, дело вырисовывается вроде бы совершенно ясное. Если верить показаниям сотрудников, вожатый ночью отвёл детей в лес, где, очевидно, оставил их. Потом вернулся в лагерь, разгромил комнату и уничтожил какую-то книгу и тетрадь. Главный вопрос: где дети? Второстепенные вопросы: зачем увёл? Почему бросил? Для чего разгромил комнату и сжёг книгу? Неплохо бы потолковать с самим вожатым. Посмотрим, что найдёт собака. Может быть, дети сидят где-нибудь на опушке леса, и тогда всё будет очень просто».

Так успокаивал себя Стаев. Однако нехорошее ощущение, возникшее при осмотре мест происшествия, не проходило. Вдруг возникла мысль: как будто раньше встречалось уже похожее дело. Хотя следователь точно помнил: ничего подобного не было, да и не могло быть.

— Не нравится мне поведение директора, — пробормотал Стаев. — Как будто недоговаривает чего-то. Мутный он какой-то.

Совершив круг по кабинету, Стаев сел, достал из папки протоколы, положил перед собой карандаш и ручку. Едва он закончил приготовления к бумажной работе, как в кабинет вошли опер в кожаном пиджаке и майор Ким. За ними топтался обеспокоенный Иван Павлович.

— Шайгина привезли, — сообщил опер.

— Вожатого? — удивился Стаев. — А почему его не госпитализировали? Вы же говорили, он в отрубе был.

Следователь перевёл взгляд на Кима.

— Да в диспансере этот цуцик пришёл в себя и попросил отвезти его в лагерь, — сквозь зубы пробормотал майор. — А мои долбоёжики зачем-то привезли его...

— Хотя бы анализы взяли? — поинтересовался Стаев. — Вот и ладушки!

— Мы его назад отвезём! — Ким шагнул к двери.

— Не стоит, — остановил его Стаев. — К чему? Если парень очнулся, побеседуем с ним.

— Но ведь... — попытался возразить Ким, но Стаев остановил его жестом и обратился к оперу в кожаном пиджаке: — На этом остановимся. Дайте подозреваемому бумагу и карандаш. Вдруг напишет чистосердечное.

Опер и майор Ким вышли. На лестнице минуты две слышались гулкие голоса. Потом они стихли. Стаев прислушивался какое-то время, после чего приступил к опросу свидетелей. По его распоряжению привели Леночку, Варю, Лидию Георгиевну, Юлю. У всех четырёх ладони после снятия отпечатков пальцев были вымазаны копировальной мастикой, которую они оттирали бумажными салфетками. Затем настала очередь вожатых и воспитательницы одиннадцатого отряда. Они не задержались в кабинете надолго. Последним Стаев кликнул Ивана Павловича.

— Вы мне ничего не хотите сказать, гражданин Хрущ? — спросил следователь.

— Н-н-нет. А что такое? — Иван Павлович соединил ладони и зажал их между коленей. — Что-нибудь не так?

Следователь быстро водил ручкой по листу бумаги, оставляя на нём аккуратные строки. Он работал минут пять, потом отложил ручку и сцепил ладони в замок. Голубые глаза снова упёрлись директору в переносицу.

— Знаете, я вам честно скажу, — сказал Стаев, улыбаясь немного простоватой улыбкой. — Мне ваше поведение не нравится. И мандраж этих трёх цыпочек — тоже, — он указал на дверь. — Вы что-то знаете, но не говорите. Учтите: если вы причастны к этой пропаже, то...

Иван Павлович энергично замотал головой. Лицо его снова покраснелось, особенно выделялись ставшие багровыми уши. Стаев кивнул и хмыкнул. Затем он поднялся и подошёл к зеркалу. Здесь он причесался, одёрнул рубаху, отряхнул брюки, повернулся одним боком, потом — другим, критически оценивая себя, словно собирался на свидание. Затем он обернулся к Ивану Павловичу и воскликнул таким тоном, будто просил по меньшей мере в двадцатый раз:

— Ну что ж, показывайте вашего Шайгина! Посмотрим, что он за зверь такой...

Они вышли на улицу. За ними было увязался майор Ким, но Стаев в довольно резких выражениях дал понять начальнику отделения Комово, что его присутствие в изоляторе нежелательно. Ким надулся,

изобразил на широком лице улыбку и пожал плечами. Он выждал, когда следователь и директор удалятся на приличное расстояние, и двинулся за ними следом, стараясь держаться за кустами.

Стаев и Иван Павлович прошли до изолятора. Директор остановился у двери и показал пальцем на зарешённое окно. Стаев подошёл и заглянул внутрь с интересом аквариумиста-любителя, которому предлагают приобрести какой-нибудь редкий экземпляр.

— Жук-щелкун? — сказал следователь, не оборачиваясь. — Или нет... кордулегастер кольчатый. Не-е-ет! Скорее какой-то шершень.

Стаев потёр толстое ухо и стрельнул глазами в директора.

— Кажется, он староват для вожатого. На вид ему лет тридцать. А галстук зачем? Он пионер?

— Да это так... — Иван Павлович потупился и шаркнул ногой.

— Открывайте! — скомандовал Стаев.

Директор достал ключ, отпер замок и приоткрыл дверь, пропуская следователя. Тот шагнул внутрь. Иван Павлович через окошко наблюдал, как Стаев берёт стул, располагается за столиком напротив Шайгина. Тот сидел на кушетке, привалившись к стене и вытянув длинные ноги. Глаза его были открыты, но не двигались и смотрели прямо перед собой.

Минуты две следователь и вожатый сидели друг перед другом, как шахматисты перед невидимой доской в ожидании начала партии. Только один не был заинтересован в сражении, а другой медлил с первым ходом. Иван Павлович, сдвинув брови, наблюдал за происходящим. Вот Стаев наклонился, пошевелил разбросанные на столе листы и на миг замер. Он взял один, второй, третий, прищурился и вдруг вскочил как ошпаренный. Дрогнув шаткий столик, загредел отлетевший в сторону стул, поднялись в воздух и беззвучно опустились на стол листы бумаги.

Директор даже вскрикнул, когда Стаев согнул ноги в коленях и двинулся на вожатого как атакующий боксёр. Рука схватила Шайгина за горло, приподняла с кушетки, но тут же отпустила. Вожатый плюхнулся обратно, ударился затылком о стену и снова замер в кукольной позе. Лицо его не изменило выражения, и только губы растянулись в кривой усмешке.

Иван Павлович отпрянул от окна, дрожа всем телом. Широко раскрытыми глазами он наблюдал, как дверь медленно открывается и из проёма по частям появляется следователь Стаев: сначала просунулась

голова, потом — плечи с руками, далее — торс и заплетающиеся ноги, едва переступившие порог. Атлас выскользнул из руки следователя, упал в траву и открылся на цветном развороте.

— Едрить твою в дыхало! — пробормотал Стаев, утирая бледное лицо.

Он тяжело и шумно дышал, как после схватки, глаза его смотрели вниз и вбок, а всё тело дрожало. Так он и стоял с минуту, держась рукой о косяк. Иван Павлович перевёл взгляд на книгу в траве. На развороте красовалось изображение огромного мотылька с распростёртыми крыльями. Рисунок на головогруды напомнил лицо с широко открытым ртом и огромными провалами вместо глаз. «Бражник мёртвая голова», — бежала надпись внизу страницы.

Позднее Стаев несколько раз вспоминал сцену в изоляторе. Вожатый Антон Шайгин с самого начала вызвал у капитана отторжение или даже отвращение. А всё из-за галстука. Да, в последнее время среди молодёжи пошла мода: ребята доставали где-то школьные пиджаки, делали из них жилетки, накальвали на них советские значки, девчонки наряжались на выпускной в фартуки, накручивали пышные банты. Ненависть к атрибутам рухнувшей империи схлынула, и теперь они воспринимались подростками двухтысячных, никогда не жившими в Союзе, как занятая архаика. Почти Средневековье.

Стаев относился к такой моде равнодушно, но при виде галстука на шее вожатого почему-то взбеленился. Парень был явно старше нынешних школьников и поэтому выглядел не просто глумливым шутком, а гораздо хуже. Правильное слово не приходило. Его и не было. Слишком нелепо смотрелся на этом длинноволосом босом парне галстук в купе с джинсами — этакий гибрид американского хиппи и великовозрастного советского пионера восьмидесятых годов. Картина складывалась поистине сюрреалистическая, неприятная, поэтому следователь зашёл в изолятор с твёрдым намерением для начала сорвать с шеи вожатого галстук. Но, как только он переступил порог комнаты, всё поменялось.

От неожиданности Стаев замер, потому что перед ним сидел самый настоящий пионервожатый. Несмотря на грязную одежду, отсутствие обуви, растрёпанные волосы, странную позу, всё в этом человеке — от черт лица до красного галстука — выглядело до того идеально пригнанным друг к другу, что создавалось впечатление, будто именно так

выглядели бы лидеры пионерии, доживи Союз до наших дней. Снова вспомнились Мальчиш, Данко, Орлёнок, то ли виденные, то ли пригрезившиеся недавно.

Пережив первый шок, Стаев прошёл через комнату и сел за столик. Он ещё минуты две изучал водителя, собрался было заговорить, но тут его ожидало новое потрясение. Он заметил разбросанные по столу листы, на которых было накалякано что-то непонятное. Следовательно только глянул на рисунки и вдруг вскочил, отбросив стул. С искажённым яростью лицом капитан бросился к водителю, схватил его пятернёй за горло, стиснул, но тотчас разжал пальцы, словно обжёгшись. Да, именно таким было ощущение. Словно сунул руку в тлеющие угли.

Даже через двадцать минут после посещения изолятора Стаев то и дело вытирал ладони и мусолил между подушечками пальцев воздух. До сих пор ощущалась гладкость шёлка и лёгкое жжение в ладони, какое бывает после прикосновения к горячему чайнику. И вот что странно: хотелось избавиться от этого жжения, но в то же время испытать его снова.

— Клоун, мать его! — выругался следовательно.

4

Стаев ещё долго сидел за директорским столом, приходя в себя. Наконец он встал, подошёл к окну, где бушевал тусклый июльский день. Поодаль, около скамейки, стояли Иван Павлович и майор Ким. Директор говорил, указывая большим пальцем за спину, а майор качал головой. Потом Ким хлопнул Ивана Павловича по плечу и пошёл к главной аллее. Директор направился к административному корпусу.

«Что за общие дела у этих двоих? — думал Стаев, наблюдая за их передвижениями. — Чем-то они взбаламучены. Ладно, вернёмся к делу. Нужно отбросить все посторонние ассоциации и опираться на факты. Подозреваемый есть. Дадим ему время, а потом снова потолкуем. На этот раз как следует. Детей наверняка скоро найдут. Вряд ли этот пионер что-то с ними сделал. Малахольный он для такого дела. А рисунки... Да чёрт с ними!»

Но одновременно как будто чей-то голос проговаривал мысль, которая пришла в самом начале: случай беспрецедентный, — и эта мысль не давала покоя. Стаев старался её не замечать, как и усиливавшегося ощущения того, что когда-то нечто такое уже происходило с ним.

А в голове тем временем выстраивалась рабочая версия, и, когда начали подтягиваться люди из опергруппы, она оформилась окончательно.

Первым приковылял эксперт-криминалист с чемоданчиком и фотоаппаратом. Друг за другом ввалились опер в кожаном пиджаке и оба стажёра. Появился водитель, что-то шепнул на ухо следователю и тут же вышел. Последним пришёл майор Ким, уселся на принесённом стуле и надулся, как сердитая мышь.

— Ну что ж, приступим, — сказал Стаев, кладя перед собой бланки с протоколами осмотра мест происшествия.

— Значит, так, — начал эксперт-криминалист. — Повреждений, следов борьбы, беспорядка в палатах не наблюдается. Капель крови, равно как и присутствия посторонних веществ, не обнаружено. Надпись на стене в игровой, судя по всему, выведена гуашью. Пустой пузырёк я нашёл на окне. Но для полной уверенности нужно делать химический анализ. Скорее всего, это дело рук ребёнка. И высота, на которой сделана надпись, и «пальчики» на пузырьке говорят об этом. Далее — игровая. Здесь на полу раскиданы кругами тапочки и найдены многочисленные отпечатки босых детских ног. Они выходят в коридор и ведут к выходу. В корпусе, конечно, сильно потоптались, но всё же следы на половицах видны отчётливо. Я всё зафиксировал на камеру.

— Отлично! — сказал следователь.

— Осмотрены также комната вожатого и чердак, — продолжил эксперт. — Изъяты личные вещи и книги. На чердаке обнаружена обложка старинной книги, обложка от общей тетради и флейта. Видимо, вожатый уничтожал улики.

— Это уже домыслы. Давайте дальше.

— У дыры в заборе обнаружены следы босых детских ног, — заговорил эксперт. — Я их отлил в гипсе. Следы свежие, оставлены не ранее чем вчера вечером. Также есть отпечатки подошв. Их рисунок совпадает с рисунком обуви, которую мы нашли в комнате у подозреваемого.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заскочила растрёпанная Яна, инспектор по делам несовершеннолетних, недавно игравшая с детьми у Синего корпуса. Стаев кивнул ей и повернулся к оперу в кожаном пиджаке.

— Опрос работников лагеря показал следующее, — как в трубу загудел тот. — После восьми вечера никто не видел ни детей из «десятки»,

ни самого Шайгина. Курьеры, которые приносили «сонник», утверждают, что отряд в восемь тридцать был в игровой. Они слышали крики и музыку. Многие вожатые утверждают, что на первом этаже Синего корпуса флейта играла и после отбоя.

— Дальше, — скомандовал Стаев.

— Как мы предполагали, дети выбрались за территорию лагеря через дыру в заборе, — продолжал опер. — Собака взяла след. За образец взяли тапочки из игровой. Также захватили кроссовку Шайгина из его комнаты. Следы ведут на север. Похоже, что и вожатый, и дети — по крайней мере, некоторые — направились в лес.

— Хорошо, — сказал следователь, переводя взгляд на Яну.

— Значит, так, — начала та, откидывая со лба светлую чёлку, похожую на два крыла. — Последним, кто видел детей из пропавшего отряда, был мальчик Вова. Говорит, что те ушли в игровую сразу после ужина. Сам Вова остался в палате, но почти сразу заснул за чтением книги, поэтому не в курсе того, что было после восьми. Дети из одиннадцатого отряда говорят, что из Синего корпуса после девяти никто не выходил. У двенадцатого и тринадцатого отряда (они размещаются в Зелёном корпусе, сразу напротив Синего) было совместное мероприятие в актовом зале. Это подтверждает и старшая вожатая. Получается, они в принципе не могли ничего видеть.

Девушка завершила рассказ широкой детской улыбкой. Стаев покачивал, постукивая ручкой по столу.

— Резюме, — заговорил следователь после короткой паузы. — Итак, вчера вечером, сразу после ужина, вожатый Антон Шайгин провёл с отрядом некое мероприятие. Предположительно, играл на флейте. Утром детей в корпусе не оказалось. Известно, что в своей комнате вожатый не ночевал, а пришёл только на рассвете. Он устроил погром, залез на чердак и там сжёг какую-то книгу и какую-то тетрадь, после чего впал в состояние прострации. Какие будут версии, господа хорошие?

— Разрешите, я попробую? — поднял руку стажёр Максим.

Стаев кивнул. Молодой человек проглотил ранетку, откашлялся и начал:

— Значит, так. У меня три версии. Первая, — он отогнул большой палец на правой руке, — дети сбежали по собственному почину. Шайгин, обнаружив пропажу, запаниковал и бросился в лес разыскивать

отряд. Проплутав всю ночь, он никого не нашёл, из-за чего и расстроился. Вернувшись в лагерь на взводе, он устроил погром в комнате...

— А потом развёл костерок из книг, надышался дымком и вырубился, — закончил Валерий.

— В принципе, и такое возможно, — согласился Максим.

Валерий буркнул презрительное «Ну ты даёшь!» и отвернулся. Стаев улыбнулся ещё шире и покачал головой. Майор Ким фыркнул. Яна прыснула в ладошку.

— Вторая, — продолжил стажёр Максим, выдвигая указательный палец. — Лично мне она кажется самой правдоподобной. Шайгин отправился с отрядом в поход, намереваясь вернуться до подъёма, но в лесу приключилось какое-то несчастье. Например, дети завязли в болоте, упали в реку, их завалил оползень. Вожатый запаниковал, бросился в лагерь за помощью, но понял, что уже ничего не сделать, и... дальше по первому варианту.

— Отлично! — приободрил его Стаев.

— Третье, — заговорил Максим и вытянул средний палец. — Эта версия выглядит наименее вероятной. Шайгин действительно похитил отряд. В таком случае ему не обойтись без помощников. В одну легковушку тридцать ребят не поместятся. Потребуется автобус, фура или несколько машин. Значит, помощников двое или больше. Преступники увезли детей, а вожатого бросили. Он и расстроился.

— Молодец, Максимка! — похвалил Стаев. — Выдумывать ты горазд, стажёр-плодожор. У кого-нибудь есть добавления, комментарии?

Выслушав молчание коллег, Стаев положил ручку и сцепил руки в замок.

— Эх вы, муравьи-трудяги! — сказал он, переводя взгляд с одного на другого. — За старания ценю. Да только все гипотезы — барахло. При расследовании нужно отталкиваться от фактов, а не просто строить теории на пустом месте. Понимаете? Вы же осматривали место происшествия. Что заметили?

Максим поднял руки. Валерий ухмыльнулся. Майор Ким заёрзал на диванчике. Опер в кожаном пиджаке и Яна ждали продолжения.

— Если бы дети действительно планировали побег, то не пошли бы ночью в лес в одном нижнем белье, да ещё без обуви. Не стоит

недооценивать ребяташек. В двенадцать лет они нормально соображают. И подготовиться смогли бы в случае необходимости! — заметил Стаев.

Остальные покивали.

— То же могу сказать и про вторую версию, — продолжил следователь. — Какой дурак поведёт детей в лес без верхней одежды, без экипировки, без фонариков, без воды и так далее? Зачем? Чтобы завязнуть в буераках? Это уже какой-то необыкновенный экстремал получается или полный отморозок. А ведь Шайгин не такой! Верно?

— Скорее всего, нет, — поспешно согласился стажёр Валерий.

Стаев покосился на него и продолжил:

— Наконец, если бы вожатый решил похитить отряд с поделницами, то проще было бы вывести их днём под предлогом какого-нибудь официального мероприятия. А тут — ночью, босые, в неглиже. Отсюда вывод: уход детей был спонтанным, незапланированным!

— Очень даже может быть, — покивал Максим.

— Итак, — начал Стаев, — нам известно, что в восемь тридцать дети точно находились в игровой. Это мы можем утверждать, основываясь на показаниях гонцов из кухни. Дальше... Что мы увидели в Синем корпусе? Лично мне бросилось в глаза одно обстоятельство — идеальное состояние спальни и беспорядок в игровой. В палатах все кровати заправлены, уличная одежда аккуратно сложена на стульях, обувь у изножий. Красота! Даже покрывала не смяты. А в игровой просто кавардак какой-то. Вы только представьте себе... Вечер. Отряд только что вернулся с ужина. Дети переоделись в домашнее и отправляются в игровую на некое мероприятие...

Стаев поднял руки, как дирижёр, готовящийся начать концерт. Все слушали его с большим вниманием.

— Шайгин приоделся: брюки, рубашечка, галстучек — весь такой нарядный. И вот он встаёт с флейтой у стены, детишки рассаживаются на стульях. Начинается представление...

Стаев плавно замахал руками туда-сюда, дирижируя невидимым оркестром.

— Вроде всё как всегда. Та же игровая, тот же состав, но... обращаю внимание вот на что, — Стаев взял протокол и прочитал: — «Тапочки

раскиданы по полу в виде неправильных кругов. Имеются также многочисленные следы босых ног». Так, Иван Аркадьич?

Эксперт закивал.

— И что? — спросил Максим, снова принимаясь за ранетки. — Они, выходит, босиком по игровой бегали? А тапочки для чего разложили?

Стаев помотал головой:

— Они танцевали под музыку, двигаясь по кругу. Веселились как сумасшедшие. И так увлеклись, что скинули тапки, чтобы было удобно, и продолжили плясать босиком.

— Толково, — похвалил эксперт.

— Да-да! Но вот дальнейшее — для меня загадка. Вожатый играет, дети танцуют. Всем весело. Но в какой-то момент дети вдруг бросаются вон из игровой и бегут по коридору к выходу из корпуса.

— Но почему? — не выдержала Яна, сверкая большими глазами.

— Вот то-то и оно, моя дорогая Янка-белянка! — проговорил Стаев. — Концерт был прерван неким непредвиденным событием. Я сначала подумал, что дети испугались чего-то. Но если бы им угрожала опасность, допустим, в игровую ворвался дикий зверь, в окно заглянул маньяк с топором, прилетел инопланетный монстр... в этом случае они просто выбежали бы из корпуса, громко крича, привлекая к себе внимание и зовя на помощь. Логично? Так ведь нет! Они выходят тихо, незаметно, тайком. Они не хотят, чтоб их видели. При этом можно уверенно сказать, что они невероятно торопились. Потому что не стали даже обувь надевать, не говоря уже о верхней одежде. Пошли босиком, как индейцы. Значит, не бежали от чего-то, не спасались, а стремились куда-то. За пределы лагеря! Но для чего?

Все опять помолчали.

— Единственная возможность выбраться за ограду — через заветную дыру в заборе, — продолжил Стаев. — А до неё далеко. Она в другом конце лагеря. Синий корпус находится на виду. Кустов нет. Спрятаться негде. Выход один — идти в открытую.

— Интересная теория, — покивал Максим.

— И вот ещё что, — продолжал Стаев. — Я почти уверен, что дети оказались за территорией ещё до отбоя. Примерно между девятью и десятью часами. Хоть вожатые и воспитательница одиннадцатого отряда клянутся, что до десяти из корпуса никто не выходил, а ночью будто

бы тоже играла флейта, я бы не стал доверять их показаниям. Может быть, им почудилось. Вдруг они просто перепутали дни. Вожатый ведь концертировал почти каждый вечер. Так что немудрено спутать среду с воскресеньем, а понедельник — с пятницей.

— Но почему всё-таки до отбоя? — поинтересовался Валерий.

— После десяти часов празднующийся по лагерю ребёнок привлечёт внимание любого взрослого. Его обязательно остановят, поинтересуются, куда он идёт. Тем более если он не в уличной одежде и босиком. А тут целый отряд! Но если выходить в час, когда светло, когда на аллеях полно людей, да ещё и поодиночке, то не возникнет никаких проблем. Понимаете? Они уходили по очереди, друг за другом. В крайнем случае небольшими группами. У них даже могли быть какие-нибудь наряды. Кстати, накануне дня Нептуна какие-нибудь лохмотья пришлось бы как раз. На них не обратили внимания. Просто подумали, что детки готовятся к представлению. Встретились же они за забором или в лесу, в условленном месте.

Следователь победоносно сжал кулаки.

— А как насчёт надписи на стене? — напомнила Яна.

— Ах да! — воскликнул следователь и прикусил губу с досады. — Чуть не забыл. Интересно, имеет ли она отношение к исчезновению? Как она вообще переводится?

— «И мой сурок со мною», — сказала Яна.

— Какой ещё сурок? — Стаев нахмурился.

— Песня такая! — воскликнула девушка. — Бетховен сочинил.

На стихи Гёте.

— Он же немцем был.

— Они оба немцы, — снова рассмеялась Яна. — Но песня-то исполняется от лица бродячего французского музыканта. Поэтому припев на французском. А остальное — на немецком. Просто я ходила в языковой лицей и окончила музыкалку.

Яна откашлялась и запела чистым голосом:

— По дальним странам я бродил,

И мой сурок со мною...

— Молодец, Белянка! — похвалил её следователь, когда затихли восторги. — Хорошо работаешь! Где-то я эту песенку слышал... Теперь перейдём к вещдокам...

Стаев взял два прозрачных пакета. В одном была обложка какой-то книги с тиснением и металлическими элементами, в другом — несколько обгоревших листов и обложка общей тетради. Рядом лежала серебристая флейта, заляпанная комками высохшей жёлтой грязи, и футляр от неё.

— Всё, что нашли на чердаке, — пояснил эксперт. — Остальное — пепел. Но текст на листах разобрать можно.

— Книга и тетрадь, — сказал Стаев, просматривая находки. — Сегодня утром, сразу по возвращении, вожатый уничтожил и то и другое. Почему это было так важно? Может, он вёл дневник? А старинная книга? Сборник заклинаний по вызову нечистой силы? Сатанинская Библия? Руководство по уходу детей?

— Уж, во всяком случае, не книга о вкусной и здоровой пище, — буркнул опер в кожаном пиджаке.

Все засмеялись. Стаев покачал головой и взял третий пакетик. Там лежала половинка листа бумаги с одной фразой, выписанной тонкими буквами с вензелями:

I LOVE YOU.

— Нашли в комнате Шайгина, — сказал опер в кожаном пиджаке.

— Интересно, кто автор? — начал рассуждать вслух Стаев. — Девушка? Подруга? Несчастливая влюблённая? Покажите записку воспитателям, вожатым. Вдруг кто опознает почерк. Если у вожатого была дама сердца, она могла знать о его планах. Или даже помогать ему. Вполне возможно, что действовал он не в одиночку. Возможно, именно этот человек прибежал в игровую и сказал нечто такое, что заставило детей ломануться наружу. М?

Стаев взял лист бумаги, какое-то время водил карандашом, а потом показал лист коллегам.

СХЕМА 1

Листок пошёл по рукам.

— Нужно попробовать выявить потенциального поделщика жожа-того. В числе основных кандидатов — работники лагеря. Я бы в первую очередь пробил Георгиевну, хоть её и не было вчера вечером. Потом эту гламурную златоглазку — напарницу Шайгина. Далее — вожатых и воспитательницу одиннадцатого отряда. Курьеров проверьте, которые «сонник» приносили. Про Леночку и эту вялую девицу, которая всё время жуёт кукурузку, тоже не стоит забывать. Директором я займусь сам.

Когда все уже были готовы разойтись, их остановил голос опера Сергеева.

— Чуть не забыл, — сказал он. — Вот...

Он достал из кармана большой бумажный конверт и положил его на стол. Конверт был старый, пожелтевший от времени, порядком измятый. На лицевой стороне красивыми буквами с вензелями было выведено Für meinen Sohn. Стаев осторожно взял конверт за уголки и вытряхнул пожелтевший от времени лист бумаги, сложенный вчетверо. Лист был исписан с обеих сторон мелким почерком латинскими буквами.

— Твой выход, Белянка! — сказал Стаев, пододвигая лист к девушке.

Яна склонилась над бумагой, наморщила лобик и стала изучать витиеватые буквы. Через минуту она выпрямилась и развела руками.

— К сожалению, моих знаний немецкого тут недостаточно, — сказала Яна. — Даже приблизительно не могу сказать, о чём идёт речь. Могу только сообщить, что это письмо от отца. Так написано на конверте. Дата — февраль девяностого года.

— Давненько письмишко накалякано, — заметил Стаев. — И зачем надо было его с собой в лагерь тащить? Видать, был резон. Нужен перевод.

— Я знаю нормальное бюро переводов, — заявил Валерий. — В центре. Около моего дома.

— Вот и отлично! — кивнул Стаев. — Сначала Иван Аркадьич поколдует над ним, а потом — ноги в руки и пошёл. Понял? Когда управишься?

— Не знаю, сколько времени понадобится на перевод, — пожал плечами Валерий. — Думаю, часа за два обернётся.

Стажёр положил письмо в целлофановый пакет и выскочил за дверь. Остальные тоже принялись расходиться. Ким остановился на

пороге, глянул на Стаева, как будто желая что-то сказать, но так ничего и не сказал. На своём месте осталась только Яна. Следовательно повернулся к ней и поднял брови.

— Знаете, — начала девушка, — при осмотре палат я заметила одну странность — книги на тумбочках детей. Обычно в таком возрасте двенадцатилетние мальчишки читают фантастику, комиксы, что-нибудь про войну. Девчонки — про любовь там. А тут...

Яна повернулась и взяла с подоконника стопку книг, прихваченных из палат.

— Кант, Ницше, «Экономикс» Маршалла, учебник высшей математики для вузов, геометрия Лобачевского, Беккет, — Стаев просмотрел обложки и поднял голову: — Да, я тоже на это обратил внимание. Думаешь, это важно?

— По крайней мере, это очень странно. Дети в таком возрасте не понимают в этих вещах ну ни капельки. Не могут же быть все такими развитыми не по годам.

— Не могут, — согласился Стаев. — Ты права, стоит над этим подумать. Ну а теперь ступай!

Когда Яна вышла, Стаев велел привести к нему директора лагеря. В ожидании следователь устроился за столом и, вытащив лупу, принялся изучать обгоревшие обрывки бумаги, найденные на чердаке. Этим он занимался около получаса.

Поработав, Стаев снова подошёл к окну. В десяти метрах от входа в административный корпус стояли Иван Павлович с Леночкой, Варей, Лидией Георгиевной и Юлей. Собравшись в кружок, они о чём-то говорили. Симченко-старший прислушивался. Симченко-младший курил поодаль. Через минуту к разговаривавшим подошёл майор Ким, что-то сказал, но тут же отошёл. Собравшиеся ещё постояли и разошлись.

— Интересно, — пробормотал Стаев.

Через несколько минут бледный и понурый Иван Павлович встал на пороге своего же кабинета, не решаясь пройти дальше. Следователь встретил директора с преувеличенным радушием.

— Мне нужна карта Комовского бора, — сказал ему Стаев. — Также прошу предоставить досье на вожатого, личные дела детей из «десятки» с контактами родителей и перечень всех работников лагеря. Сегодня же у вас день визитов? Пусть Леночка идёт к воротам и встречает гостей.

Нужно зарегистрировать всех пришедших и проводить их в кинотеатр. Там и устроим собрание. А вы пока подумайте, что скажете родителям.

Из показаний свидетелей

Лидия Георгиевна Ахметова, воспитательница десятого отряда (38 лет):

«Антон — весьма своеобразный молодой человек. Мне с ним сложно. Да, я понимаю: парень с уникальными способностями, педагог от природы, герой местного разлива. Но в этой бочке мёда есть такая огромная ложка дёгтя. Дело в том, что у него на всё свой взгляд, своё мнение, которое он готов отстаивать до конца. Поначалу у нас вообще не сложились отношения, но со временем нам удалось найти общий язык. Мы договорились, что он будет согласовывать все мероприятия со мной. Я излагаю ему своё мнение, и он даже иногда прислушивается. К тому же Антон взял на себя почти всю бумажную работу.

С детьми он работать любит. Посвящает им всё время, занимает их как может: ходит на вылазки в лес, устраивает конкурсы или играет на флейте. Инструментом он, конечно, владеет великолепно. Удивляюсь только, зачем он выбрал педагогическую стезю. По-моему, его призвание — музыка. В его игре есть что-то ещё кроме виртуозности. Он будто знает что-то такое о музыке, что неизвестно другим.

Ума не приложу, куда он мог увести отряд. Не думаю, что он сделал с детьми что-то плохое».

Вова Залевских, воспитанник десятого отряда (11 лет):

«Антон классный. Он был моим репетитором и целый год со мной занимался. Благодаря ему я подтянул физику и математику. И вообще по всем предметам оценки стали лучше. Я чуть ли не круглым отличником сделался. Просто не хотел высовываться. Ну, чтоб по разным олимпиадам меня не таскали. Не люблю я это. Мне бы лучше сидеть дома и книжку читать.

А куда все ушли, я не знаю. Может быть, просто в лесу заблудились. Думаю, нужно поискать у Иванчайки. Мы туда ходили всем отрядом неделю назад. Загадалки прятали. Это нас Антон научил. Это когда пишешь на листочке своё самое заветное желание, кладёшь его в яйцо

от “киндер-сюрприза” и закапываешь. А на следующий год приходишь и сравниваешь с тем, что на самом деле произошло за прошедшее время. Сбылось — не сбылось. Мы договорились всем отрядом снова в этот же лагерь поехать на следующий год. И чтобы Антон у нас вожатым был».

Глава 3

Родители

1

В «Белочке» закончился тихий час. В столовой накрывали столы к полднику. Снова по системе внутреннего вещания включили музыку, но радости от этого не прибавилось. Все воспитанники, от мала до велика, знали, что прошлой ночью из Синего корпуса пропал десятый отряд, что вожатый Антон Шайгин находится в бессознательном состоянии и что на поиски детей в Комовский бор отправились милиционеры с собаками. Приближался час икс, которого так боялся Иван Павлович, и едва следователь Стаев в немного своеобразной манере завершил первый этап необходимых оперативно-следственных мероприятий, в лагерь начали прибывать родители.

Обычно папы и мамы встречались со своими чадами на полянке за оградой, где на специальной площадке имелись скамейки с «грибками», столики и прочие удобства. Именно сюда потянулись вереницами воспитанники, где их уже ожидали мамы и папы с пакетами и сумками. Охране были даны указания направлять родственников детей десятого отряда в кинотеатр, где их встречала старшая вожатая с искусственной улыбкой на лице. Леночка с амбарной книгой в руках регистрировала пришедших, препровождала их в зал и просила немного подождать. Варя прохаживалась по крыльцу, жевала кукурузные шарики и зевала после обеда. Симченко, занявшие позицию у входа, выполняли обязанности охраны. Родители, прекрасно знавшие правила распорядка «Белочки», отнеслись к странному нововведению подозрительно. Они ворчали, возмущались, задавали вопросы, но, не получив ответа, проходили в прохладное сумрачное помещение, наполненное запахами рассохшегося дерева, старого поролона и поеденных молью портьер.

Пока шёл сбор ничего не подозревавших пап и мам, следователь Стаев связался с кинологами по радию из машины. После краткого разговора он вернулся в кабинет директора, который превратил в свой оперативный штаб. Первым делом следователь изучил документы Антона Шайгина: автобиографию, трудовую книжку, копию диплома.

— Безупречно! — воскликнул Стаев. — Прямо образцовый гражданин! Музучилище, университет, грамоты, награды... О как! Работает учителем в школе номер сто двадцать три и гимназии номер сорок пять. Проживает с матерью Анастасией Юльевной Шайгиной по адресу... Отец, Герман Генрихович Штольц, умер в феврале девяностого года. Ага, телефон!

Стаев набрал домашний номер Шайгина, долго слушал длинные гудки, но ответа не дождался. Тогда следователь переключился на воспитанников десятого отряда. Он пролистал личные дела детей, пробегая по сухим характеристикам, останавливаясь на фотографиях и внимательно читая фамилии, словно надеясь найти в них ключ к разгадке.

— Любопытно, — пробормотал он. — Почти все дети из десятого отряда числятся либо в сто двадцать третьей школе, либо в сорок пятой гимназии. Именно в этих двух заведениях Шайгин устроен учителем. Выходит, они были знакомы с ним раньше? Возможно, он даже преподавал у них.

Стаев сделал пометку в блокноте, вышел на улицу и направился к кинотеатру. По дороге он встретил Кима. Майор сидел на лавочке рядом с каким-то мальчиком в круглых очках. Ким улыбался и что-то говорил маленькому собеседнику, который был необычно мрачен, как будто расстроен. При виде Стаева майор вскочил.

— Вот, опрашиваю свидетелей, — начал оправдываться он.

— Для работы с детьми у нас есть инспектор по делам несовершеннолетних, — ответил Стаев. — А вы лучше взрослыми займитесь. Направьте свою энергию в нужное русло.

Ким потупился и ничего не ответил. Стаев продолжил путь, размышляя по дороге. При всей хаотичности поступков «пионера» в его действиях прослеживалась определённая логика. Сожжённая книга, уничтоженная тетрадь, разбитый магнитофон, беспорядок в комнате. Вожатый в самом деле ликвидировал улики? Или у него просто был нервный срыв? Слава богу, хоть письмо сохранилось. Очевидно, оно

имело ценность, если Шайгин захватил его в лагерь. Интересно, что такого написал отец сыну тринадцать лет назад? По документам, он умер как раз в девяностом. В феврале! Выходит, предсмертное письмо. А записка? Вероятно, от близкой подруги? Соответственно, нужно искать её. Она может что-то знать о вчерашнем происшествии.

Добравшись до кинотеатра, Стаев миновал кордон из хмурых Симченко, подмигнул сонной Варе, приободрил Леночку и шагнул за порог массивной двери. Следователь вошёл в зал, когда там уже сидело человек двадцать. Стояла непривычная для такого скопления людей тишина. Здесь не разговаривали, не смеялись, вроде даже не дышали и почти не двигались. Лишь изредка по рядам пробегал шепоток, бухал низкий кашель курильщика или вырывалось из-под кресла неосторожное шарканье. Родители поглядывали на сумки и пакеты с принесёнными лакомствами, ещё не догадываясь, что фрукты и сладости не пригодятся их чадам.

Собравшиеся сидели тихо и таращились в незанавешенный экран, как будто смотрели невидимый фильм. Гнетущая атмосфера, тишина и полумрак в зале так ошарашивали новоприбывших, что они тотчас замолкали, едва переступив порог. Они послушно диктовали Леночке имя, фамилию и проходили в зал. Опустившись в кресло, присоединялись к общему молчанию и прилипали взглядом к пустому экрану.

Публика подобралась разношёрстная. Люди группировались, интуитивно чуя себе подобных, и опытный следователь с первого взгляда определял их принадлежность к социальной страте.

Два пересекающихся прохода разделяли зал на четыре сектора. В первом, слева от центральной дорожки, у самой сцены, собрались типичные представители рабочего класса. Об их статусе говорили и одежда, и меланхолично-мрачные лица, и манера держаться. Стаев заметил у одного бейсболку с надписью «ООО “Прибор”», у другого — спецботинки с логотипом завода, у третьего — спецовку.

Впереди всех, у сцены, расположился коренастый загорелый мужчина с рубцом от давнего ожога на щеке. В его повадках, во взгляде и в манере держать себя угадывался лидер. Сидел он прямо, чуть развернувшись, разведя локти и колени, как бы стремясь занять побольше пространства, будто одного места ему не хватало. Весь он состоял из упругой стали. Даже волевое лицо, словно выточенное на станке,

нисколько не портил ожог. То и дело мужчина сжимал губы, смотрел ровно и прямо, а говорил кратко, однозначно и по делу, если к нему обращались. Положив на ручки кресла красные мозолистые руки, похожие на крабьи клешни, он то и дело оглядывался на сидящих позади него людей — мускулистых рослых мужчин и немолодых, потерявших всякий лоск женщин.

Вторая группа состояла из пролетариев умственного труда — работников сферы ИТР. Их было гораздо меньше. Среди них выделялся, сверкая белоснежными кудрями, мужчина (несмотря на жару, он был в вязаной кофте и фланелевых брюках) с хрестоматийной «профессорской» бородкой. Рядом ёрзала его супруга — женщина с причёской каре, в вельветке и джинсах.

Следователь покачал головой и переместил фокус своего внимания в другую половину зала. По правую сторону от прохода, в первом секторе, у сцены, размещались представители совершенно иной социальной группы.

В крайнем кресле десятого ряда скрючился сухой, жилистый, с изборождённым морщинами лицом и пальцами, обильно украшенными наколками в виде перстней. Едва Стаев вошёл в зал, как татуированный стрельнул в следователя неприятными цепкими глазами и, растянув губы, сверкнул золотой фиксой. Прямо на перекрёстке проходов стоял здоровый, стриженный под расчёску «браток» в белой майке. Проследив за направлением его взгляда, Стаев хмыкнул. У самой стены около входа в мягких новых креслах расположилась ухоженная женщина в деловом костюме и с волосами, собранными в «ракушку». Она энергично стучала пальцами по клавишам ноутбука, поглядывая в лежащий рядом блокнот.

С другой стороны от входа длинноволосая девушка лет девятнадцати играла в «тетрис», а поодаль молодой человек в зелёных слаксах и клетчатом пиджаке слушал плеер через наушники.

«И дети этих людей читают такие умные книжки! — усмехнулся Стаев. — Нонсенс просто!»

С полчаса стояла необычайная тишина. Новые люди входили, садились и затихали, присоединяясь к общему молчанию и утыкаясь взглядами в пустой экран. Но вот в дверях возникла женщина в тёмном как сажа одеянии, с белым шёлковым платком на голове и в солнцезащитных очках. Шлейф кружевной чёрной юбки со сборками почти

доставал до пола, а каблуки выбивали уверенную дробь о разбитый паркет. Браслеты, серьги, ожерелье — всё из серебристого металла — тускло сверкали в люминесцентных сумерках. Едва она вошла, как от черноты её одеяния и глубокого взгляда в зале стало ещё темнее, как после захода солнца.

«Траурница!» — тотчас окрестил её Стаев.

— Здравствуйте! — улыбнулась Леночка. — Как вас зовут?

— А вы, простите, кто сами? — поинтересовалась женщина, снимая тёмные очки свободной рукой. Браслеты тихо звякнули, скользнув вниз.

В глазах её жила полярная ночь, а в голосе прятался едва уловимый акцент, будто вносимый специально, чтобы подчеркнуть иное происхождение.

Леночка представилась.

— Есть ли кто ещё из администрации?

— Пока нет...

— Будьте добры, позовите, пожалуйста, директора, — попросила женщина, и на бледном лице ярче проступили глаза цвета холодной мглы.

Леночка переступила с ноги на ногу, сделала ныряющее движение головой:

— Он сейчас...

— Занят? — Аккуратные тёмные брови женщины изогнулись. — Ну конечно! Иначе и быть не может. Прошу вас, приведите его.

— Я... я не могу... Мне дано задание...

Леночка зарделась, как от жары, лицо её заблестело.

— Девушка, меня не интересуют выданные вам задания, — проговорила дама ровно, но с нажимом. — Я хочу видеть директора лагеря. Немедленно!

Голос женщины в чёрном повысился лишь чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы расшевелить остальных. Бухнул кашлем мужчина с обожжённой щекой, захныкал грудной ребёнок на руках у недавно вошедшей мамы — и тотчас же весь зал проснулся, загомонил.

— Слышь, ты... — «Браток» вразвалку приблизился к старшей вожатой, крутнул два раза чётки на пальце. — Не, по натуре. Она пральна грит. Долго нам тут висать, а?

— Да ладно вам, молодой человек! Не связывайтесь вы с ними, — махнула рукой женщина в синем халате. — Сказали ждать — значит, нужно подождать. Всё будет, и не раз. Но потом.

— Эх ты сказанула, — включился в разговор усач, у которого не хватало двух пальцев на левой руке. — Потом! Когда потом-то? У меня рыбалка накрывается медным тазом...

— Ой, да ну вас, дядечка! — возмутилась полная женщина в цветастом платье. — Нашёлся страдалец. У меня вот мать больная дома осталась.

— Мощет, слущилось щево? — прошепелявила старушка в красной шляпке.

— Тю, да шо может случиться-то? — возразил лысый громила в джинсовом костюме.

— Ой, можно потише, ради бога?! — морщась и не отрываясь от экрана ноутбука, шипела бизнес-леди.

— Ёксель-моксель! Хорош галдеть! Задрали вконец, лагерщи-ки херовы...

Женщина в чёрном всё жгла старшую вожатую мглой антрацитовых глаз. Она вдруг приблизилась к Леночке и выдохнула ей в лицо какое-то слово. Старшая вожатая отшатнулась, чуть не выронив амбарную книгу, а в следующую же секунду испуганной мухой вылетела из зала, теряя по пути остатки фальшивого самообладания. Варя и оба Симченко проводили Леночку изумлёнными взглядами.

2

Иван Павлович стоял за приоткрытой дверью служебного выхода и через щель наблюдал за происходящим в зале. Он уже проглотил несколько таблеток успокоительного и был морально готов к выполнению самой неприятной миссии за всю свою педагогическую карьеру. Сделав три глубоких вдоха, он выбрался из своего убежища и вкатился в зал кинотеатра, неестественно улыбаясь.

Стараясь не смотреть по сторонам, Иван Павлович прошёл к сцене и развернулся. Улыбка сама сошла с его лица. Наступила нехорошая тишина. Молодой человек в клетчатом пиджаке вытащил наушник из одного уха, девушка с «тетрисом» оторвалась от игры, а бизнес-леди прекратила печатать. Остальные давно смотрели на директора.

— Дорогие родители, — начал Иван Павлович, — как вы понимаете, мы не просто так собрали вас в этом зале. К сожалению, у нас не было другого выхода. Хочу сообщить, что десятый отряд, в котором числятся ваши дети...

Стаев вместе со всеми слушал директора «Белочки». Следовательно то уважительно хмыкал, то морщился, то усмехался. За своё выступление Иван Павлович заслужил по меньшей мере аплодисменты, но никто из собравшихся не спешил выражать ему признательность.

— ...Уже ведутся поиски, — говорил Иван Павлович. — Привлечены все нужные службы. Мы надеемся, что к концу дня дети будут найдены. Ну, вот...

Иван Павлович ещё раз повторил свою любимую фразу и развёл руками, давая понять, что закончил выступление. Родители с минуту молчали. Они переглядывались, пожимали плечами, но понемногу выходили из оцепенения.

— Чё за порожняк? — выкрикнул мужчина с обожжённой щекой, оглядываясь на соседей. — Я не поэт!

— Простите, уважаемый, я не расслышал... Вы сказали «пропали»? — переспросил седовласый «профессор».

— Во даёт Серёга! — с расстановкой проговорил «зэк». — Так и знал, что чё-нить отчебучит. Да хуле! Ничё ему не будет. Погуляет и вернётся.

— А я тут гостинцы принешла внушке, — шамкала старушка в красной шляпке. — Куда их таперища?

— Стойте! — вскочил костистый очкарик с портфелем. — Это, наверное, какая-то шутка?!

— Не, в натуре! Я чё-то не вкурил, — «браток» хрустнул шеей и двинулся к сцене. — Ты чё такое гонишь, а? Ты ваще рамсы попутал, что ли, а?

— Зачем так говоришь? Плохие слова говоришь! Отдавай мой ребёнок! — взорвался старик-азиат в тибетейке.

Родители всё распалились. Бедный Иван Павлович дрожал под градом выкриков. Он не знал, куда деть руки, поэтому то убирал их за спину, то пытался засунуть в карманы, то безвольно опускал. Он обмяк телом и теперь совсем не был похож на грозного июньского хруща, а больше напоминал желеобразную полупрозрачную медузу.

Зал гомонил всё громче. Сохраняли спокойствие только два человека: женщина в чёрном и недавно вошедший парень с пронзительными глазами и тонкими усиками, который наблюдал за происходящим с внимательностью игрока в покер, следящего за сдачей карт.

Стаев выждал ещё минуту и решил вмешаться. Он широкими шагами прошёл к сцене и встал рядом с директором. И тут со стороны входа раздалось мерное и тяжёлое «бум-бум-бум», как если бы колотили чугуном молотом по дереву. Гомон в зале затих, и головы присутствующих повернулись на звук.

По проходу шёл большой человек. Его одеяние — аляповатая красная рубашка-гавайка, белые слаксы и сандалии — выглядело настолько нелепо, что сразу было видно: человек больше привык к форменной одежде, чем к пляжной. Он шёл, переваливаясь и топая по паркету так, что из-под деревянных плашек вылетала пыль. Одной рукой гигант прижимал к уху сотовый телефон, а в другой держал чёрную барсетку. Пройдя к сцене, мужчина остановился напротив директора «Белочки», спрятал мобильник в карман брюк и зыркнул недобрый взглядом из-под бровей.

— Здравия желаю, Олег Иванович! — козырнул Стаев.

Гигант в гавайке усмехнулся:

— Молодец! Узнаёшь коллег. Ну, что тут такое?

Стаев вкратце изложил ситуацию. Директор изредка вставлял ненужные фразы. Он беспомощно улыбался и заглядывал в лицо гиганту.

— Я предупреждаю, — прорычал человек в гавайке, выслушав Стаева, — если с моим сыном что-то случится...

Гигант глянул на сжавшегося директора, на невозмутимого следователя и повернулся к залу. Его тяжёлый взгляд перемещался слева направо, останавливаясь на некоторых лицах.

— Полковник МВД Олег Раскабойников, — представился гигант. — Начальник Управления внутренних дел по городу Бельску.

— Здорово, начальник! — гаркнул татуированный «зэк», сверкнув фиксой.

Переждав возгласы родителей, полковник заговорил:

— Как вы знаете, в лагере случилось ЧП. Пропал целый отряд. Тридцать человек. И в нём находились ваши дети. В том числе и мой сын... — Полковник проглотил комок. — Этот невероятный и вопиющий

инцидент будет расследован. Я вам обещаю, что будут выяснены все обстоятельства произошедшего. Виновные будут наказаны.

— Ну спасибо! — крикнули из сектора работяг. — Успокоил!

Полковник, игнорируя колкости, продолжал:

— Кроме того, я буду лично следить за ходом поисков и привлеку все возможные ресурсы. У меня большие полномочия. Обещаю, что мы найдём всех до единого. Чего бы это ни стоило!

Зал притих. Родители снова переглянулись. Раскабойников повернулся к директору:

— Сможете разместить родителей?

Лицо Ивана Павловича будто стекло вниз.

— Да как же так? Это же административное правонарушение, — залепетал директор «Белочки». — А если этот татуированный туберкулёзом болеет? А если у его подружки сифилис? Они же всех детей перезаражают!

— Так, хватит! — оборвал полковник, рубанув ребром ладони воздух. — Вам, между прочим, уголовка светит. Вы это понимаете? Как вас там...

— Иван Павлович, — подсказал Стаев.

— Вот-вот. А от сифилиса и туберкулёза сегодня успешно лечат. Так что... прошу подобрать места для временного размещения людей. Вы меня поняли?

— Угу, — пробормотал Иван Павлович, опуская голову.

— Вот и прекрасно. Пойдём, Стаев, потолкуем.

Следователь и начальник ГУВД Бельска вышли из зала, оставив директора лагеря наедине с возмущёнными родителями.

3

После краткого разговора Стаев и начальник Раскабойников выбрались на крыльцо кинотеатра. Вдвоём они смотрелись карикатурно (первый — в дачном наряде, второй — в пляжном) и совершенно не походили на силовиков. Скорее, в них можно было заподозрить эксцентричных друзей на отдыхе.

— В Египет завтра собирались, — объяснил полковник. — В кои-то веки выкроил отпуск, накопил всякой дряни, а тут на тебе...

Ленка, Варя, оба Симченко и директор стояли тут же, на крыльце. Они глядели на представителей власти, ожидая дальнейших распоряжений и поглядывая на толпу. На пяточке у входа в кинотеатр было многолюдно.

Родители вывалили на улицу. В правом углу площадки, у пыльных кустов отцветшей сирени, со скучающим видом курили «зэк», «браток» и женщина с волосами, похожими на китайскую вермишель.

Слева от крыльца собрались работяги. Они переговаривались, выкрикивая то и дело «Как так?», «Не могу понять!» и другие фразы возмущения. Мужчина с обожжённой щекой хватал за руку то одного, то другого, улыбался, подмигивал, говорил что-то ободряющее, шутил и сам смеялся собственным остроумам.

Работники ИТР топтались невдалеке, понуриив головы. Седовласый «профессор» с женой уселись на скамью. Рядом стояли человек пять в полном молчании. Какая-то улыбчивая пара — мужичок с жидкой бородёнкой и женщина в платке — ходила между людьми, обращаясь к каждому.

Вдруг инертная толпа всколыхнулась, и родители разом взвыли, как от неожиданной боли, будто дантист неосторожным движением задел зубной нерв.

— Шайгин! Шайгин! — пронеслось над площадкой. — Ша-а-айгин!

Люди передавали слово друг другу, словно перекидывали из рук в руки горячую картошку. Родители снова загомонили, только теперь в интонациях проскальзывали самые разнообразные оттенки. Здесь были и злость, и боль, и ярость, и отчаяние. Всё это спутывалось в один клубок. То и дело повторялись фразы «увёл в лес», «играл на флейте», «в прошлый раз». Выкрики становились громче, и атмосфера за считанные мгновения кардинальным образом поменялась, как меняется погода в горах или на море от внезапно налетевшего ветра.

— Ва-а-асенька! — прозвенел истеричный вопль. — Сыно-о-ок! Све-е-еточка! Как же я без вас бу-у-уду?! Ы-ы-ы!

Женщина в синем халате бухнулась на колени, воздела руки к небу и завывала тонким голосом. Её бросились поднимать сразу несколько человек. Другая женщина хлопнулась в обморок на асфальт. Улыбчивая пара прекратила улыбаться и остановилась, озираясь в растерянности. А вот итээрщики отреагировали на новость иным образом.

— Мразь! — взвизгнул седовласый «профессор», вскакивая со скамейки. — Мра-а-азь! Гни-и-ида! Ненави-и-ижу!

Интеллигентное лицо мужчины скривилось, и он выдал целый поток неуклюжей, спотыкающейся матерной брани. Остальные смотрели на него в испуге, некоторые отошли в сторону. Над площадкой продолжали лететь возгласы:

— Беспредел! Беззаконие!

— Да что же такое делается?

— Разнести этот лагерь к чёртовой матери!

— Атайди, шайтан!

— И что теперь? Как теперь?

Какофония голосов и возгласов, криков и вскриков нарастала неистовым крещендо. Она достигла наивысшей точки и вдруг оборвалась разом, как если бы невидимый дирижёр прекратил звучание всего хора одним мановением палочки.

— Прекрати-и-ить! — взвился над площадкой возглас.

«Жжёный» вскочил на бордюр и воздел над головой руки-клешни. Люди повернулись к нему, подняли обеспокоенные бледные лица со сверкающими глазами.

— Ребят, это же Шайгин! Понимаете? — гаркнул лидер рабочих, оглядывая толпу, заглядывая в лицо каждому. — Это же Антон!

«Жжёный» выдержал паузу и снова заговорил, но уже тише. Он говорил быстро и негромко, но эмоционально и убедительно. Руки-клешни так и мелькали в воздухе, глаза сверкали. До крыльца кинотеатра долетали фразы:

— Как в прошлый раз...

— Не помогут...

— Поплохеет...

— Вы этого хотите?

— Не надо гоношиться...

— Ради наших детей...

— Ничего не поделаешь...

Слова «жжёного» произвели на рабочих волшебное действие, как будто тот прочитал какое-то заклинание. Понемногу затихли недовольные возгласы, хмурые лица просветлели, кислые гримасы пропали. Через

несколько минут на площадке перед кинотеатром вдруг установилось неестественное спокойствие.

Утёрла лицо и заулыбалась женщина в синем халате, довольно загэкал лысый громила, а улыбочивая пара снова залучилась искусственным весельем. Объёмная дама в цветастом платье крикнула и шлёпнулась большим задом на скамейку. Взвизгнула молния на сумке, из которой вывалились свёртки и свёрточки. Хватая первое попавшееся, женщина разрывала пакеты, вынимала их содержимое и заталкивала в себя всё подряд: фрукты и сладости, бутерброды и пирожки, печенье и пирожные, — запивая всё это газировкой. Старушка в красной шляпке подошла к мусорной урне и разом вывалила из сумки все пакеты, свёртки и кулёчки.

— Их-хи, их-хи, — бормотала она, то ли плача, то ли посмеиваясь. — Вот вам и учитель! Вот вам и вожатый! Их-хи...

Всё это время итээрщики, стоявшие в стороне, наблюдали за рабочими с недоверием и удивлением. Наконец «профессор» издал раздражённое «Ай!», повернулся и решительно двинулся к крыльцу кинотеатра, где стояли Стаев и Раскабойников. Дойти до них он не успел.

— Э, ты куда?

Лидер рабочих в два прыжка догнал «профессора» и схватил его красной клешнёй выше локтя. Глядя в лицо седовласому, он что-то сказал ему, скаля зубы и энергично двигая губами.

— Как же это? — промямлил «профессор», поправляя очки. — Почему это?

— Послушайте, уважаемый! — перебил его «жжёный», щуря глаза без ресниц. — Вы полегче. В последний раз прошу проявить благоразумие и терпение. Дело на мази. Ясно вам? Всё ровно. Чётко.

Седовласый «профессор» молчал с минуту. Глаза его потемнели за очками. И тут он вдруг издал нервный смешок и запел скрипучим дискантом, неумело дирижируя в такт:

— По ра-а-азным стра-а-анам я-а-а броди-и-ил...

Все рабочие развернулись как по сигналу. Несколько женщин вскрикнули. Лысый громила издал испуганно-удивлённый возглас. Объёмная дама в цветастом платье поперхнулась и закашлялась, выплёвывая непрожёванные куски. Старушка в красной шляпке произнесла пронзительное «Ой!» и выронила пустую сумку. Остальные

глядели на «профессора» так, как будто тот только что отколол жуткую непристойность.

А лидер рабочих крепкой клешней схватил «профессора» за горло и сжал пальцы. Седовласый захрипел. Женщина в вельветке бросилась к мужу. Ещё несколько итээрщиков протестующе закричали, а Симченко тотчас кинулись на помощь. Им не пришлось вмешиваться. К двоим смутьянам бросился появившийся минуту назад офицер-танкист, что-то сказал, и «жжёный» сразу же выпустил жертву. Напоследок он кинул «профессору» какую-то фразу и отошёл довольный.

Рабочие понемногу успокаивались. Дама в тесном платье прокашлялась, вытерла губы и достала зеркальце. Женщина в синем халате разговаривала с сидевшими рядом товарками. Старушка в красной шляпе вздыхала, поднимая глаза к небу. Улыбчивая пара совершала уже, наверное, десятый круг по площадке. Туда-сюда сновал пряткий молодой человек с усиками. Глаза его блестели. Через минуту из толпы родителей выскочил беспалый усач-рыбак и вприпрыжку двинулся по дорожке в сторону ворот, словно вспомнив о каком-то неотложном деле.

«На рыбалку пошёл», — пронеслось в голове у следователя.

Стаев хотел подойти к рабочим, поинтересоваться причиной конфликта, но не успел. Когда прозвучала фамилия водителя, на тяжёлом лице Раскабойникова возникло непривычное для него выражение недоумения. Он отстранённо наблюдал за стычкой «жжёного» и «профессора» и откликнулся на зов следователя только после второго раза.

— Водителя зовут Антон Шайгин? — просипел полковник.

— Ну да. А что?

Лицо Раскабойникова — так могло показаться — точно покрылось трещинами, какие можно увидеть на ломающемся льду. Полковник вскрикнул и прижал большой кулак к покатоному лбу.

— Ничего-ничего, — с усилием выдавил полковник, резкими жестами поправляя аляповатую гавайку. — Просто так уточнил.

Стаев не успел продолжить расспросы, потому что к ним подошёл тот самый майор в форме офицера танковых войск.

— Привет доблестной милиции! — врястяжку поздоровался он и протянул руку Раскабойникову.

— И ты тут? — хмыкнул полковник.

— Как видишь. Опоздал чуток. Но уже в курсе. У самого пацан в «десятке».

Раскабойников бросил на танкиста злой взгляд.

— Знакомые всё хари, а? — продолжил майор, кивая на толпу родителей. — Почти вся компания в сборе. Как тринадцать лет назад.

— М-м-м? — Стаев наклонил голову. — Что повторяется?

— Водочный бунт, — сказал танкист.

— И что? — Стаев развёл руками.

— Ты не знаешь эту историю? — Раскабойников повернулся к следователю. — Ну ты даёшь, прокурорский! Август девяностого. Вспоминай!

— Тогда такой замес был, — продолжил танкист. — И эти на площади были.

Майор кивнул на толпу родителей.

— Почти все, — подтвердил Раскабойников.

— Ни малейшего понятия, — ответил Стаев.

Танкист и начальник ГУВД посмотрели на следователя с недоверием. Полковник хотел что-то сказать, но тут к ним подбежал опер в кожаном пиджаке.

— Вернулся кинолог, — сообщил он. — Говорит, след теряется в лощине. Дети зашли в реку, а на другом берегу не вышли. Нужна подмога.

— Понятно, — пророкотал Раскабойников, двигая челюстью. — С ходу, значит, не получилось. Тогда не будем терять время.

Раскабойников достал сотовый и отошёл в сторону. Пока он разговаривал, Стаев подозвал опера в кожаном пиджаке:

— Видишь того седого, с бородкой? Отведи его в сторону незаметно и доставь в кабинет к директору. Держи его там до моего прихода. Да вообще начинай потихоньку опрашивать всех родителей. Кто где вчера был, что делал. Есть ли у кого какие-нибудь догадки, куда могли подеваться дети.

Опер тотчас вклинился в толпу родителей. Стаев окинул взглядом сборище перед кинотеатром. Он уже хотел отвернуться, как снова заметил за деревьями неуклюжую приземистую фигуру майора Кима. Тот беседовал с хорошо одетой высокой парой. Рядом стоял тот самый мальчик в круглых очках, с которым следователь видел Кима полчаса назад.

— Вот жук, — пробормотал Стаев. — Я ж ему говорил. Что он там мутит?

Раскабойников вернулся через две минуты.

— Вызвал неплохого поисковика, — сообщил он. — Подъедет в течение часа. И с ним ещё несколько ребят.

Выбежавший из кинотеатра Иван Павлович остановился, глядя искоса на представителей власти, и слегка склонился по-лакейски, словно говоря всем своим видом: «Не угодно ли чего?» Раскабойников махнул рукой, и директор присоединился к Леночке и Варе, которые распределяли гостей по корпусам, раздавали ключи. Симченко, привалившись к колоннам, следили за передвижениями родителей.

— Вам ничего не кажется странным? — Следователь повернулся к Раскабойникову. — Никто не подошёл к нам. Не поинтересовался, что произошло. А этим курякам так вообще до лампочки. Как будто не дети пропали, а хомячок сбежал.

— Ну, есть такое, — недовольно согласился полковник.

— Ничего странного, — сказал майор-танкист. — Дело в том, что...

— Оставь! — оборвал его Раскабойников.

В этот момент напротив кинотеатра притормозил синий шестисотый «мерседес». Задняя дверь машины распахнулась, и из салона вывалился невысокий рыхлый человечек в сером костюме, круглых очках и с большой, стриженной ёжиком головой. Он споткнулся о бордюр, чуть не упал и опрометью бросился по дорожке к крыльцу.

— Ну? Что?! — закричал он, подбегая к Ивану Павловичу. — Пропали? Потерялись? Ах, ну как же вы такое допустили?! Куда ж это годится?!

— Вот и директор «Прибора» пожаловал, — усмехнулся полковник. — Морокин, кажется.

Иван Павлович принялся что-то объяснять, но тут гость из «мерседеса» глянул за спину директору «Белочки» и тотчас сжался. По дорожке по направлению к нему широким шагом цокала на каблуках великолепная бизнес-леди.

— Привет, братишка! — с неожиданной развязностью гаркнула она и отвесила Морокину такую пощёчину, что голова директора завода мотнулась в сторону, а очки полетели в траву.

Сразу несколько работяг вытянули хором длинное «У-у-ух!».

— Подонок! — выкрикнула бизнес-леди. — Жадюга! Сэкономил? Устроил племянницу в лучший на свете лагерь? Тварь поганая! Ненавижу тебя!

При каждой фразе на голову бедного директора обрушивалась очередная оплеуха.

— Э, господа хорошие! — крикнул Раскабойников. — Выясните ваши семейные дела в другом месте.

Бизнес-леди повернулась, сдула со лба выбившуюся прядь и медленно подошла к крыльцу.

— Здравствуйте! Мы, кажется, знакомы.

— Как будто да, — кивнул Раскабойников.

— Меня зовут Светлана Лонина. Наши дети учатся в одной школе. — Бизнес-леди поправила «ракушку» на затылке. — Можно поинтересоваться...

— Нельзя! — оборвал её полковник.

Лонина прищурила глаза и по очереди устремила свой острый лисий нос на Раскабойникова и Стаева. Она изучала силовиков большими голубыми глазами с минуты, а потом покивала с понимающим видом.

— Ладно. Давайте заключим сделку, — наконец сказала она. — Вы мне подробно рассказываете, что именно произошло, а я...

— А вы будете молчать! — снова отрезал Раскабойников.

Они смотрели друг на друга с полминуты. Казалось, начальник ГУВД и бизнес-леди вели безмолвный диалог и прекрасно понимали друг друга без слов. Наконец Лонина пригладила волосы и улыбнулась тонкими губами.

— Вот как? Вы считаете, взаимодействуя таким образом с родителями, можно многого добиться? Вы же хотите успешно завершить расследование и раскрыть дело.

Снова острый нос указал сначала на Стаева, а потом на Раскабойникова. Полковник кашлянул, издал глубокое «хэх».

— Могу предложить вам организовать поисковые группы, — ответил начальник ГУВД. — Тем самым вы окажете необыкновенную услугу и сэкономите время. Примете непосредственное участие в поисках своих детей. Идёт?

— Что ж, почему бы и нет. — Бизнес-леди поправила воротник блузки. — И на том спасибо. Тогда я пойду организовывать народ?

— Извольте!

— Дыбка степная, — ухмыльнулся Стаев, когда Лонина отошла.

Раскабойников покосился на него. Силовики наблюдали, как родители группами — работяги, итээрщики, представители криминала, улыбающаяся пара, прыткий молодой человек с усиками, майор-танкист и Лонина — идут по дорожке к аллее. За ними следовали недовольные Симченко и Варя с Леночкой. Директор «Белочки» остался стоять на крыльце.

— Ладно! Пошли потолкуем с вожатым! — наконец сказал полковник.

Стаев подозвал Ивана Павловича, и они двинулись к изолятору. С ними увязался и Морокин. Какое-то время они шли вчетвером и не сразу заметили высокую чёрную фигуру, которая как будто плыла по воздуху рядом.

— А вы куда? — буркнул Раскабойников.

Женщина в чёрном сняла тёмные очки, чуть сдвинула веки, меж которых плясали маленькие огоньки.

— Меня зовут Рада, — произнесла она глубоким, бархатным голосом. — Я могу вам пригодиться.

Раскабойников переглянулся со Стаевым, но никто из них не произнёс ни слова. Затем полковник кивнул, и впятером они двинулись к изолятору. Никто не заметил, как майор Ким следил за ними из-за деревьев немигающими, чёрными и выпуклыми, как у мыши, глазами.

Из показаний свидетелей

Иван Павлович Половняк, директор ДОЛ «Белочка» (53 года):

«Я так и предполагал, что добром дело не кончится, как говорится. Ну, то есть я хотел сказать, что этот Антон Шайгин всегда был непредсказуемым. Да, у него хорошие рекомендации из университета и обеих школ, и к нам в лагерь он ездил почти каждый год. То есть никаких претензий к нему не было. Знаете, мы кого попало не берём. У нас приличное учреждение. Только он много себе позволял. Да и я, знаете ли, пошёл у него на поводу. Послабления режима, свободная форма одежды. По ночам он костры с отрядом устраивал, в походы детишек водил, всякие мероприятия проводил.

Но, сами понимаете, люди меняются. Был, например, человек героем когда-то, а потом раз — и развернулся на сто восемьдесят градусов. Может, у него в голове что-то переклинило. Такое же случается, правда?

Но я-то откуда мог знать?! Вы поймите, я же не телепат, мысли читать не могу. Ну да, он такой... неординарный. Но мало ли у кого какие странности! Работу он свою хорошо выполнял, как говорится. А если ко всем цепляться, тогда мы вообще без работников останемся. Ну так ведь?»

Варвара Шуховская, администратор (24 года):

«Знаете, странные они были. Я имею в виду ребят из “десятки”. И на детей вовсе непохожи. Необычно серьёзные, рассудительные, уверенные. Никакого баловства или шалостей. Всё какие-то книжки читают, разговоры ведут за жизнь. Как будто им лет по двадцать. Странно, что никто, кроме меня, этого не замечал. И с Шайгиным у них контакт был плотный. Они слушались его беспрекословно, но только потому, что им самим это нравилось. Мне кажется, к происшествию сами дети из “десятки” причастны. Они, я уверена, не только на побег способны, а на гораздо более весомые “подвиги”».

Глава 4

Вожатый

1

Стаеву не хотелось снова идти в изолятор. Следовательно то и дело замедлял шаг, потирая руки, в пальцах опять появилось жжение и покалывание. Вдобавок четверостишие из песни про сурка, которую напевал «профессор», повторялось в голове, а перед глазами вставала «кровавая» надпись на стене в игровой Синего корпуса. И ещё вспоминалась стопка «умных» книг, найденных на тумбочках детей из «десятки».

«Чепуха! Ерунда! Наваждение», — сказал он себе и ускорил шаг.

Дошли до изолятора. Иван Павлович отпер дверь и приставными шажками втёк внутрь. За ним последовали Стаев, Раскабойников, Морокин и Рада. Полумрак обступил людей. Помещение дышало нежилым, затхлым воздухом, словно стояло заброшенным уже не один год. Несмотря на жару, здесь было прохладно, даже зябко. Стаев и Иван Павлович переглянулись, едва завидев странную, состоящую из одних ломаных линий фигуру на кушетке.

Даже издали можно было заметить, насколько изменился Шайгин за последние два с лишним часа. Вожатый сидел, привалившись к стене, и напоминал разобранный механизм: голова, руки, торс, ноги — казалось, всё лежало по отдельности, как если бы из человека вынули важный элемент, соединяющий все члены воедино. Серое, будто слепленное из комков глины, лицо сохраняло неподвижность маски, под приподнятыми веками блестели налитые кровью глаза, раздвинутые губы обнажали большие верхние резцы. Лишь галстук, единственное яркое пятно в комнате, тлел в полумраке, как угли затухающего костра.

— Он староват для вожатого, — заметил Раскабойников.

Не отрывая взгляда от человека на кушетке, полковник двинулся через комнату. Он подошёл к столику, тронул лежащие на нём изрисованные листы бумаги (Стаев на несколько секунд закрыл глаза), катнул карандаш. Отодвинув стол, полковник склонился над вожатым.

— Шайгин! — позвал он. — Слышишь меня, пионер?

Вожатый не двинулся. Раскабойников подождал ещё немного и затем с размаху вплепил парню две пощёчины. Голова Шайгина мотнулась в одну, в другую сторону. Волосы взметнулись, клацнули зубы, но серое лицо и приоткрытые глаза не изменили выражения.

Раскабойников хмыкнул, обхватил подбородок молодого человека ладонью:

— Ну-ка ты! Кончай придуриваться! Я тебя быстро в чувство приведу.

Полковник протянул руку, двумя пальцами зажал Шайгину нос, сдавил. С полминуты вожатый сидел без движения. Затем тело его шевельнулось, выгнулось, дёрнулась одна рука, другая, согнулись ноги — и вот на безжизненном лице дрогнули веки, опухшие губы разомкнулись, и парень глубоко и шумно вдохнул ртом.

Раскабойников улыбнулся, отпустил нос вожатого и отступил от кушетки, не сводя с Шайгина глаз. Остальные подошли ближе.

— Вот и молодец! Давай приходи в себя, вожатый. Будем говорить.

Шайгин будто отходил от наркоза или пробуждался от глубокого нездорового сна. Он вздохнул несколько раз, пошевелил узловатыми пальцами и с усилием сглотнул. Взгляд его заметался, перескакивая с одного предмета на другой, а мышцы лица сложились в страдальческую гримасу, похожую на трагическую маску греческого театра. Он

опёрся ладонями о кушетку, сел прямо, но тотчас ослаб, ссутулился и привалился спиной к стене.

Полковник снова улыбнулся, покачал головой.

— Так, отлично! — начал Раскабойников. — Теперь слушай, Антон Шайгин. Сегодня ночью из лагеря пропал вверенный тебе отряд. Мы знаем, что ты увёл детей. И ты нам сейчас скажешь, где они. Понял?

Вожатый не ответил. Он дышал глубоко и тяжело, и поток воздуха тревожил концы галстука на груди.

— Если поможешь, ничего тебе не будет, — продолжал Раскабойников, следя за каждым движением глаз Шайгина. — Если дети вернуться целыми и невредимыми, мы сразу отпустим тебя. Даю слово. Пропал мой единственный сын, и я ни перед чем не останавлиюсь, чтобы...

— Гра-а-а, — прокатилось по изолятору.

Все вздрогнули, а Морокин даже вскрикнул и огляделся.

— У вас... ма-ло... вре-ме-ни, — прокатилось по изолятору.

Губы и язык Шайгина совершали едва заметные механические движения, словно не сам он, а кто-то другой, использующий его тело, управлял ими. Слова вываливались из его рта тяжёлые и липкие, словно комки мокрой глины, и таяли.

Раскабойников прищурил глаза.

— Парень, ты о чём? — спросил он. — Где отряд?

— От-ряд, — повторил вожатый, будто произносил слово впервые. — Нельзя сказать «где»...

Раскабойников придвинулся к Шайгину и сжал челюсти.

— Ты тут дурочку не включай! — заорал он в лицо вожатому. — Говори, где дети!

— Вы их... больше... не увидите.

Директор лагеря и директор завода «Прибор» в один голос ахнули. Стаев прищёлкнул языком, и только Рада оставалась спокойной.

— Что ты с ними сделал? — прошептал полковник, отступая на шаг.

Брови Шайгина сошлись на переносице. Лицо исказилось в неестественной гримасе и стало похоже на скомканную бумагу. Внутри него происходила сложная и трудная работа, словно он старался вспомнить какое-то отдалённое во времени событие и подобрать слова для его описания. Наконец он ослабил и произнёс:

— Я просто...

Все замерли, не отрывая взглядов ото рта Шайгина и ловя каждое его слово.

— ...играл им на флейте, — закончил вожатый.

Раскабойников втянул ноздрями воздух и упёрся взглядом в переносицу Шайгина.

— Ну, подонок, ты у меня доиграешься! — прорычал полковник. — Я тебе устрою инквизицию! Стаев, держи его!

— Погодите! — Директор завода «Прибор» подскочил к полковнику. — Ну зачем же так? Мы же с вами культурные, цивилизованные люди. — Он развёл руками, оглядывая присутствующих. — Мы должны решать проблемы мирным путём. Давайте договариваться!

Отстранив Раскабойникова, Морокин поднял валявшийся поодаль стул, поставил его около кушетки и устроился на нём. Директор «Прибора» облизнул губы, делано улыбнулся и кашлянул.

— Антон, — начал он, — ты уже взрослый мужчина, поэтому я буду разговаривать с тобой на равных. Что, если мы заключим договор? Ты скажешь нам, где отряд, а я выпишу тебе небольшое вознаграждение. Триста тысяч тебе хватит? Хочешь, я прямо сейчас позвоню, и на твоё имя откроют счёт в любом банке, куда положат деньги. Идёт?

Из горла вожатого вырвался протяжный хрип. На его шее набухла синяя венка.

— Ну что такое? — Морокин развёл руками. — Тебе не нравится сумма? Хорошо. Пятьсот тысяч. Подумай, целых полмиллиона! Может, ты не хочешь связываться с банком? Так я могу выдать наличными. Через полчаса сюда приедет мой поверенный с чемоданчиком, и ты выйдешь из лагеря богатым человеком.

— Нельзя вернуть тех, кого нет, — раздельно произнёс Шайгин.

— Что значит — нет? — воскликнул Морокин. — Они... мертвы?

Шайгин шевельнул рукой, и лицо его исказилось в гримасе боли. Внутри него протекали какие-то трудные, болезненные процессы. Кадык двигался под тонкой кожей, венка на шее ещё сильнее набухла, словно готовясь лопнуть.

— Сердца их бьются. Лёгкие дышат. Глаза видят. Но они... не живут.

— Чего?

— Да он псих просто! — вторгся в беседу Раскабойников. — Сбрэндил, придурок!

— Время истекает, — проговорил вожатый. — Не знаю, сколько выдержу. Скоро всё закончится...

— Что закончится? Чё ты городишь? — прорычал полковник.

Он сжал кулаки, но тут вперёд выступила женщина в чёрном. Морокин и Раскабойников тотчас отступили.

— Антон, — заговорила она, — Антон...

Рада приблизилась к кушетке, скинула с головы платок, и богатые длинные волосы рассыпались по плечам. Она взяла безжизненную руку вожатого и заговорила. Её бархатный голос успокаивал, завораживал, усыплял. Хотелось, чтобы она просто говорила, неважно что. Женщине с таким голосом хотелось верить. Более того, хотелось сделать всё, что она ни попросит.

— Антон, слушай меня. Просто слушай. Слушай...

Глаза Шайгина дёрнулись. Зрачки его расширились, и тогда же взгляды женщины в чёрном и вожатого встретились. Между ними образовалась некая связь, и могло показаться, что они безмолвно общаются.

— Зачем ты это сделал? — снова заговорила Рада. — Тебя кто-то заставил? Кто это был? Ты его боишься? Мы можем помочь тебе. Расскажи всё как есть. Что случилось вчера? Расскажи! Тебе станет легче.

Они продолжали смотреть друг на друга. Рада всё держала вожатого за руку, а тот молчал и прерывисто дышал. Заговорил он только минуты через две. Голос его стал громче, отчётливее, но при этом более механическим, и каждая фраза обрывалась, как будто была последней.

— Не могу... сказать. Нет слов. Нельзя описать. Я не хотел ничего плохого. Так получилось. Просто играл на флейте. Не мог не играть. Теперь ничего не исправить. Ни-че-го.

— О чём ты, Антон? — Рада нахмурилась. — Не понимаю тебя.

Вожатый выдохнул, сглотнул. Венка на шее проявилась настолько отчётливо, что казалось, под кожей извивался червяк, прорываясь наружу. Женщина в чёрном придвинулась так близко, что её дыхание всколыхнуло волосы Шайгина.

— Кто? — произнесла она шёпотом. — Кто это был? Просто скажи его имя!

Глаза вожатого задвигались в глазницах. Воздух в изоляторе, казалось, звенел от напряжения застывших в ожидании людей. Морокин дрожал, как от холода. Иван Павлович совсем потерял форму, очертания

его круглого тела напоминали тающий снежок. Раскабойников держался за стену, глядя исподлобья на вожатого. Стаев же подошёл ближе, наблюдая за Шайгиным широко раскрытыми глазами.

— Никто... — наконец прошелестел вожатый. — Я сам...

Рада прикрыла глаза и выпрямилась с таким видом, будто только что закончила невероятно тяжёлую и сложную работу. Наступила тишина. Только вожатый ритмично дышал, как будто пробежал стометровку и никак не мог успокоиться.

— Если не поможешь, тебе конец, — вдруг заговорил Морокин с дрожью в голосе. — Тебя поместят в психбольницу. А это гораздо хуже тюрьмы. Ты проведёшь там весь остаток жизни. У тебя никогда не будет ни семьи, ни детей, ни работы, ни тачки. Вообще ничего! Я могу тебе это устроить. Подумай, стоит ли оно того?

— Да, — немедленно ответил вожатый. — Если это плата за содеянное, я согласен.

— Что?! — взревел Раскабойников.

— Время вышло, — объявил Антон спокойным голосом. — Мне нечего больше сказать. Прощайте!

— Пум! — громко сказал Иван Павлович и прижал обе руки ко рту.

Все пятеро посетителей: директор «Белочки», директор завода «Прибор», следователь, начальник ГУВД Бельска и Рада — замерли, уставившись на вожатого. В его теле происходили какие-то невероятные эволюции, неведомая сила терзала его изнутри. Ещё утром Антон производил впечатление парня лет двадцати трёх. Стаев, увидевший его через несколько часов, дал бы ему не меньше тридцати. Когда делегация вошла в изолятор, Шайгину на вид было под сорок, а теперь, всего пятнадцать минут спустя, он выглядел на все пятьдесят и продолжал стареть прямо на глазах.

«Скорее! Ещё можно успеть! — говорил Стаев себе. — Задать правильный вопрос».

— Антон, что случилось этой ночью? — вскрикнул следователь. — Что произошло в игровой? Зачем вы пошли в лес? Куда ты отвёл детей?

Шайгин пятидесятилетний затрясся. Стаев не отрывал взгляда от его лица.

— Я... прос-то... иг-рал... на флей-те, — вылетела из его рта последняя фраза.

За считанные секунды волосы вожатого потеряли цвет, глаза ввалились, скуловые кости проступили из-под кожи, покрывшейся пятнами. Морщины взрезали лицо, на шее обозначились жилы, а взбухшая венка сжалась и вдруг пропала. Через минуту на кушетке сидел глубокий старик с седыми волосами, оскаленными жёлтыми зубами и запавшими тёмными глазами.

— Что это? — заорал Морокин, отступая назад. — Что происходит? Остановите это!

— Нет, нет, нет, — бормотал Иван Павлович.

Шайгин-старик поднял костлявую руку, открыл рот и тут завалился набок, точно сражённый наповал боец. Тело его обмякло, как если бы из него разом вытащили все кости, и вожатый грохнулся на пол, дёргаясь в конвульсиях. Красный галстук взметнулся, как два языка пламени, опал и тотчас потускнел, потерял цвет, как погасшая лампа.

Раскабойников бросился к вожатому.

— Эй, пионер! Ты что?! — заорал он. — Ты только не умирай! Не подыхай, тварь, слышишь! Врача! Директор, есть тут врач? Это же лагерь, мать его! Ну что вы все стоите?!

Шайгин дёрнулся ещё несколько раз. Внутри у него что-то хрустнуло, и в тот же миг он замер, подобно игрушке, у которой закончился завод. Прибежавшая фельдшерица обхватила рукой горло вожатого, приподняла ему пальцем веки, прослушала грудную клетку и выскочила из изолятора.

— Лида, вызывай скорую! — крикнула она кому-то на улице.

2

Загромоздившие небо тучи налились синевой. Они наваливались друг на друга бесформенными глыбами, висели над лагерем, а в прогалинах между ними то и дело вспыхивало пятнами бледно-голубое вечернее небо. Вместе с тучами на «Белочку» опустилась влажная вечерняя духота. Ветер стих, и воздух превратился в тепловатый кисель, который обволакивал тело, лип к коже и затекал в лёгкие.

Прибывшая через десять минут бригада скорой помощи увезла Антона Шайгина. Стаев, Раскабойников, Иван Павлович, Морокин и Рада смотрели вслед машине, пока она не скрылась за поворотом. Все понемногу отходили от увиденного.

— Что же это было? — пробормотал Раскабойников через пять минут.

— Это ведь невысказано! Невероятно! — повторял Иван Павлович, глядя в одну точку — в пуговицу на костюме Морокина. — Такого не бывает! Нельзя постареть за полчаса.

— Он как будто прожил целую жизнь за минуту, — сказала Рада в большой задумчивости.

— Человек склонился над водой и увидел вдруг, что он седой, — сказал Стаев, вспомнив стишок со школы.

— Что он там про сердца и лёгкие говорил? — спросил Раскабойников.

— Да просто бред наркоманский! — отмахнулся Стаев. — Небось, обдолбался какой-нибудь гадостью...

— Нет, — возразила Рада. — То был вовсе не бред. Антон хотел сообщить что-то важное, но не находил слов. Видимо, ночью произошло нечто такое, чего... ещё никогда нигде не происходило.

Стаев и Раскабойников повернулись к женщине в чёрном. Иван Павлович и Морокин смотрели на неё в неподдельном испуге. А Рада, не замечая взглядов четверых мужчин, всматривалась вдаль, как будто заметила там что-то важное.

— Что вы имеете в виду? — осмелился спросить Раскабойников.

— Пока ничего сказать не могу, — ответила Рада. — Но мне кажется, вожатый отдал свою жизнь в обмен на что-то.

Они помолчали.

— Что ж, пойдёмте! — сказал полковник.

Стаев колебался. Он всё ещё смотрел на Раду, как будто своими словами она произвела в его душе переворот. Он провёл руками по волосам, подозвал Раскабойникова, женщину в чёрном, и они втроём снова зашли в изолятор. Следователь приблизился к столу, передвинул лежащие на нём исчерканные карандашом листы бумаги. Полковник и Рада подошли с двух сторон.

— Ох! — выдохнула женщина.

— Почему раньше не сказал? — пробурчал полковник.

— Всё равно не поверили бы.

— Конечно, нет! Но предупредить надо было.

Прихватив листы, они вышли на улицу, где их ждали Иван Павлович и только что подошедшая бизнес-леди. В зелёном камуфляжном костюме, с волосами, убранными в конский хвост, она имела самый заливчатый вид.

— Приехали ваши друзья-поисковики, — сказала женщина. — Майор Ктырь и с ним два помощника. Я сформировала группы из родителей. На складе нашлось несколько комплектов камуфляжных костюмов для игры в «Зарницу». Все желающие уже переоделись.

— Хэх... неплохо!

— Вы действительно хотите отправить нас в лес? — спросила Лонина, делая акцент на втором слове.

Бизнес-леди и полковник внимательно изучали друг друга, как два противника перед схваткой, которые не хотят начинать бой, а надеются на мирное решение конфликта. Стаев наблюдал за ними с интересом. Переглядки продолжались с минуту. Наконец Раскабойников вздохнул и проговорил:

— Да, я действительно хочу отправить вас в лес на поиски наших детей.

— Хорошо, — тотчас же ответила Лонина. — Тогда мы готовы.

— Где можно разместить штаб? — обратился Раскабойников к Ивану Павловичу.

— В главной вожатской, может быть.

— Идёмте, покажете.

Лонина, Раскабойников и Иван Павлович удалились. Стаев смотрел им вслед.

— Дыбка степная, — пробормотал он, любуясь великолепной фигурой бизнес-леди.

Усмехнувшись, он направился к административному корпусу. Тем временем в «Белочку» съезжались разные важные люди, которым надлежало присутствовать на месте происшествия по долгу службы, но присутствие которых никак не помогало, а даже мешало, создавая толкучку, хаос и нездоровую, нервную атмосферу.

Прибыл мэр Комова, маленький плюгавец со злыми глазами. Он зыркнул на Стаева, поздоровался сквозь зубы, после чего исчез. Приехал прокурор Бельска, выслушал отчёт Стаева и сказал только одну фразу: «Давай быстрее!» Стаев посоветовал Ивану Павловичу создать

для важных людей все условия, и директор со свитой тотчас умчался улаживать новую проблему, прихватив Варю и Леночку.

Через десять минут приехал стажёр Валерий. Сказал, что письмо приняли, но перевод будет не раньше чем через сутки. Стаев поблагодарил и отпустил его. Оставшись один в кабинете, он присел на диванчик, хлебнул воды и задумался. Мысли его занимало недавнее происшествие в изоляторе — внезапное превращение водителя в старика.

«Я просто играл им на флейте!» — повторились простые и в то же время страшные слова.

Может быть, права Рада? Может быть, и правда случилось что-то непостижимое? Было очевидно: они только что стали свидетелями чего-то необычайного, фантастического. И оно было следствием того, что произошло прошлой ночью в лесу, а возможно, даже связано с пропажей детей? Хотя... Он же видел наркоманов. Бывало, в девяностые некоторые героинисты за неделю превращались из мускулистых здоровяков в живые скелеты. С тех пор наука продвинулась, появились новые вещества, которые могут и не такое сотворить с человеком.

«Почему бы и нет? — повторял про себя Стаев. — Всё возможно. Нужно дождаться результатов освидетельствования».

Возвращаясь мыслями в этот момент позднее, следователь осознал, что просто пытался придумать правдоподобное объяснение случившемуся, а не докопаться до правды, поэтому намеренно закрывал глаза на очевидные факты.

Стаев вышел на улицу. Как раз в этот момент к административному корпусу подошёл молодой человек в камуфляже, с забрызганными грязью сапогами. Рядом на поводке шла большая восточноевропейская овчарка.

— Привет кинологам! — воскликнул Стаев. — Как успехи?

Они поднялись в кабинет, где следователь тотчас расстелил на столе карту.

— Проследил путь отряда до лощины, — сказал кинолог. — Вот здесь, около поваленного дерева, дети зашли в воду. Куда они отправились потом, я затрудняюсь сказать. На другом берегу ручья следов нет. И собака след не взяла. Мы прошли вдоль берега и в ту, и в другую сторону. Ничего.

— Понятно, — вздохнул следователь.

Не успел Стаев обдумать полученную информацию, как в кабинет ввалился опер в кожаном пиджаке. На его обычно мрачном лице играла улыбка. Опер без слов подошёл к столу и положил на него тетрадь с надписью на обложке «Вожатский дневник» и синюю гелевую ручку. Не говоря ни слова, следователь открыл тетрадь, пролистал страницы, исписанные крупным женским почерком. Рядом легла записка I love you, найденная в комнате Шайгина.

— Один в один, — пробормотал Стаев. — Алфавиты, конечно, разные. Нужна графологическая экспертиза, но, как мне видится, почерки похожи. И паста та же.

— Это ещё не всё, — проговорил глухим голосом опер. — Оказывается, в начале смены в «Белочке» пропала вожатая.

— Вот как? — Стаев улыбнулся в предвкушении. — И куда же она делась?

Опер достал из кармана бумагу, развернул её, положил на стол. Следователь глянул на неразборчивые каракули, покачивая головой. Убрав бумагу, он встал, подошёл к шкафу с разбитым стеклом, порылся в нём и достал стопку папок. Просмотрев их, он выбрал одну, раскрыл.

— Где Ким? — негромко спросил Стаев. — Тащи сюда этого начальничка.

Через пять минут майор Ким стоял на пороге и смотрел на следователя недобрый взглядом выпуклых мышинных глаз. Следователь молча сунул майору под нос раскрытую папку, показал пальцем на фото девушки.

— Знакомая физиономия? — строго спросил Стаев, и Ким тотчас оскалился. — Почему не доложили сразу? Впрочем, это тема для отдельного разговора. Мне нужны отказные материалы по делу. Я полагаю, вы выезжали на вызов? Прямо сейчас отправьте в отделение кого-нибудь из ваших. С ним поедет мой сотрудник.

Через несколько минут опер в кожаном пиджаке и один из людей Кима отбыли на зелёной «шестёрке». Когда урчание мотора затихло, следователь вышел на улицу. Он по очереди переговорил с Леночкой и Варей, показывая им фотографию из недавно просмотренного личного дела. Затем Стаев нашёл Ивана Павловича и лично препроводил его в кабинет. Здесь уже сидели стажёры и эксперт-криминалист. Через

несколько минут подтянулся Раскабойников. Не было только Яны, и никто не смог сказать, где она.

На пороге директор «Белочки» затравленно огляделся, сел на предложенный стул и склонил голову. Стаев вынул фото из папки и показал его Ивану Павловичу. Тот на миг поднял голову, мельком глянул и сцепил пальцы в замок. Следователь внимательно наблюдал за мимикой директора. Стаев прошёлся туда-сюда, сел за стол:

— Кто это?

— В-вожатая... Альбина. Сотеева.

— И где она сейчас?

— Она... умерла.

— Вот как? — Стаев поднял брови. — Когда? При каких обстоятельствах?

— В начале с-с-смены...

— Почему не сообщили следствию об этом?

— Я подумал... это не имеет отношения к...

Стаев замолчал, вперив взгляд в переносицу директора. Молчали так долго, что могло показаться, будто прошло несколько часов. Через пять минут появился опер в кожаном пиджаке, положил на стол папку и встал у двери, сложив руки на груди. Стаев открыл принесённое дело, быстро пролистал и ткнул пальцем в страницу.

— Вот показания вожатого Антона Шайгина. Здесь говорится, что именно он обнаружил тело Альбины Сотеевой висящим на бельевой верёвке, привязанной к трубе отопления в сушилке Синего корпуса. Так?

— Так... — Иван Павлович едва заметно кивнул.

— И вы посчитали, что это не имеет отношения к пропаже десятого отряда?

Иван Павлович не отвечал. Он дрожал, опустив плечи.

— Странные дела у вас в лагере творятся, гражданин Хрущ, — произнёс Стаев после минутного наблюдения за директором. — За одну смену два инцидента. В обоих замешано одно и то же лицо. А вы, вместо того чтобы помогать следствию, утаиваете важную информацию.

Иван Павлович молчал. Остальные тоже замерли в ожидании чего-то невероятного.

— Каковы были причины самоубийства вожатой? Она, кстати, тоже старовата для своей должности. Судя по документам, ей тридцать один

год. А ещё в протоколе написано, что она была при полном макияже и с уложенными волосами. Как будто собиралась на вечеринку. Это как минимум настораживает.

Стаев потёр подбородок и повернулся к директору.

— Так почему же Альбина Сотеева решила свести счёты с жизнью именно в Синем корпусе, хотя проживала в другом? Почему выбрала это время? Для чего прихорошилась по такому случаю?

Иван Павлович шмыгнул носом.

— Я... не знаю, — выдохнул он едва слышно.

Следователь Стаев прищурил глаза и наклонился вперёд. Иван Павлович, наоборот, отпрянул назад, как будто его ткнули кулаком в лицо.

— Что же такого случилось в тот день в сушилке? Если это было действительно самоубийство и если вы на самом деле к нему непричастны, то почему вы умолчали об этой истории?

Иван Павлович застонал. Следователь помолчал, положил лист на стол и встал.

— Может быть, никакого самоубийства не было? — продолжал Стаев, не отрывая взгляда от лица директора. — Вот записка, которую мы нашли в комнате вожатого Антона Шайгина. А это вожатский дневник Альбины Сотеевой. Его нам дала подруга погибшей. Смотрите, почерк совпадает. Даже ручку нашли, которой пользовалась Альбина.

Иван Павлович шумно и прерывисто дышал ртом, как будто ему не хватало воздуха. Стаев наклонился к нему:

— У них были отношения? Девушка повесилась из-за несчастной любви? Или была беременна от Антона? Вожатый решил избавиться от неё? Впрочем, для меня всё это неважно. Главное то, как вы повели себя!

Стаев заходил по кабинету. Он остановился, глянул на карту на столе, поизучал её с минуту, а потом поднял голову к потолку. Взгляд его стал отсутствующим, как будто он мечтал о чём-то далёком, уносясь мыслью за пределы кабинета.

— Я не знаю, что произошло в сушилке, — начал следователь, переводя взгляд на директора лагеря. — Но мы это обязательно выясним. Дело будет направлено на следствие. И, можете мне поверить, лучше вам от этого не станет. Убил ли Антон Шайгин Альбину Сотееву или же она действительно повесилась сама — непринципиально. Существенно то, что вы решили скрыть это преступление!

Иван Павлович снова застонал, как умирающий зверь. Стаев же, не обращая на него внимания, гнул свою линию:

— Хотите, я расскажу, как было дело? Узнав о трупе, вы впадаете в панику. Как же так — репутация лагеря и всё такое. Верно? Надо как-то замаять дельце, чтобы информация не просочилась наружу. И вы вступаете в сговор с Кимом. Так? Уж не знаю, на каких условиях вы договаривались, но соглашение между вами налицо. Итак, материалы составляются так, чтобы случай квалифицировали как самоубийство. Всё шито-крыто. Все довольны. Правильно?

Иван Павлович застыл, как деревянный болван. Стаев подошёл к нему, положил руку на плечо и заглянул прямо в лицо. Глаза капитана, такие ясные и немигающие, казалось, испускали слабое, но неприятное, игольчатое свечение.

— Случай в сушилке сошёл вам с рук. Детям вы сказали, что Альбина просто уехала. Вожатым и воспитателям приказали молчать. Кстати, что вы сделали с вещами покойной? А её родители? Им неинтересно было узнать, что приключилось с дочерью? Ладно, это дело десятое. Вместо Альбины в лагерь приехала другая вожатая, и жизнь пошла своим чередом. Казалось бы, ЧП забыто, но... — Стаев поднял вверх указательный палец, — но вы обязаны своему покровителю. Я имею в виду майора Кима. Долги нужно отдавать. И вот настал судный день. Дальше продолжайте вы. Ну?

Но Иван Павлович сидел ни жив ни мёртв и смотрел куда-то в угол комнаты, словно его парализовало.

— Послушайте, Иван Павлович, — следователь впервые назвал директора по имени, что испугало того хуже любых прозвищ и оскорблений. — Вы ведь не уголовник. Не блатарь. Не вор в законе. Как вы влипли в это дело? Я имею в виду пропажу детишек. Кто вас надоумил? Ни за что не поверю, что вы по своей воле решились на такую авантюру, как похищение целого отряда. К чему отпираться? Или вы не хотите облегчить себе участь?

Иван Павлович закрыл глаза. Лицо его стало совершенно бескровным и неподвижным, только посиневшие губы дёргались время от времени. Стаев махнул рукой и продолжал:

— Предполагаю, что вожатый стал просто расходным материалом, пешкой в вашей коварной игре. Вы использовали его. Даже если

он совершенно непричастен к происшествию в сушилке (в чём лично я очень сомневаюсь), это прекрасный повод для шантажа. И ему не оставалось ничего другого, как пойти с вами на сотрудничество. Вы знали, что Антон пользуется авторитетом у детей, поэтому лучшего кандидата в исполнители вашего замысла не найти. Только вот кто задумал эту аферу? Назовёте мне имя этого человека?

Иван Павлович продолжал бездвижно сидеть с закрытыми глазами. Следователь походил по комнате и снова заговорил тихим зловещим голосом:

— Вчера вечером всё было разыграно как по нотам. Вы знали, что весь лагерь готовится к празднику Нептуна. Лучшего дня и не подобрать. Соседи сверху шьют костюмы. Обоих отрядов в корпусе напротив вообще нет, они в актовом зале. И вот Шайгин начинает концерт в игровой Синего корпуса...

— Нет, нет, нет, — зашептал Иван Павлович, не открывая глаз, но Стаев уже не обращал на него внимания.

— Времени у вас мало: всего час-полтора, начиная от «сонника» и заканчивая отбоем. В девять часов по сигналу вашего помощника (кстати, кто он?) Шайгин выводит детей на улицу. Они, скорее всего, выряжены в костюмы, поэтому на них никто не обращает внимания — просто репетиция завтрашнего праздника. Великолепно придумано! В общем, Шайгин выводит детей за территорию лагеря через дыру в заборе. Он беспрепятственно доводит их до лощины, где их уже ждут. Видите на карте точку возле ручья? Здесь ваши подельники завели детей в воду, чтобы сбить собаку со следа. Дальше задача проста: пройти вниз по течению примерно до этого места, — тут Стаев ткнул в квадрат сорок. — Отсюда рукой подать до шоссе, где стоит автобус или фура. Остаётся переодеть детишек и увезти. Шайгину же, скорее всего, вкололи какой-то препарат. Он не убил водителя, но нанёс непоправимый вред: у бедняги поехала крыша. А вы хотели свалить всё на него и устранить. Так?

Иван Павлович начал сползать со стула.

— Мы вскоре найдём и детей, и ваших подельников. Вопрос в другом... — Стаев снова наклонился к директору. — Скажите мне: кто затеял эту грандиозную операцию?

Глаза Стаева горели тусклым огнём. Он хлопнул Ивана Павловича по плечу, отчего директор вздрогнул, открыл глаза и вскинул голову.

Он смотрел на следователя, как будто не узнавая его, потом привстал и вдруг повалился вместе со стулом на пол и буквально растёкся по паркету. Тело его вздрагивало, пухлые губы медленно двигались, из горла доносились стоны.

— Воды, — прохрипел Иван Павлович.

Стаев присел на корточки перед лежавшим пластом у его ног человеком. Некоторое время следователь смотрел на директора сверху вниз без всякого сострадания.

— Я дам вам воды, — сказал Стаев. — Хоть стакан, хоть два, хоть целое ведро. Только назовите мне имя вашего предводителя. От этого будет зависеть, кем вы пойдёте на процессе — простым соучастником либо организатором. Ну?!

— Я не знаю, — прохрипел Иван Павлович.

— Какой упрямый! — вздохнул следователь.

— Щас я этого Кима по стенке размажу, — прорычал очнувшийся Раскабойников и выскочил из кабинета.

— Ну, вы просто супер, — не выдержал Максим.

— Отличная работа! — улыбнулся опер в кожаном пиджаке.

Стаев ничего не ответил. Он не выглядел как человек, который только что одержал победу. Скорее наоборот, судя по лицу следователя, он пребывал в замешательстве. Стаев подошёл к столу, наклонился и перебрал ворох бумаг, забранных из изолятора, затем взял пакет с обгоревшими листами, найденными на чердаке, выронил его из рук и выпрямился. Взгляд его снова стал отсутствующим.

— Пока не совсем супер, — сказал следователь. — Мы ещё не знаем главаря шайки. Сомневаюсь, что это Ким. Начальник райотдела мелкого городка — не тот масштаб. Скорее всего, он связан с более серьёзными людьми. Интересно, что преступники намеревались делать с такой оравой детей? Их ведь нужно где-то держать, кормить, сторожить. Для этого нужны помещение, люди, ресурсы, наконец.

— Наверняка вскроется целый заговор, в котором, возможно, принимают участие самые высокопоставленные лица! — воскликнул Максим.

— Весьма вероятно, — сказал Стаев.

— И всё же я не верю, чтобы Антон Шайгин согласился на нечто подобное, — вдруг сказал Валерий.

Все посмотрели на него с удивлением. Опер в кожаном пиджаке хмыкнул. Стаев ещё раз глянул на стол, где лежали листы бумаги. Словно вспомнив о чём-то, он поджал губы, но так и не ответил Валерию.

— Кстати, унесите Хруща куда-нибудь, — попросил следователь. — Пусть отлежится. А потом продолжим...

Стажёры привели Ивана Павловича в чувство с помощью воды, подняли с пола и передали на попечение подоспевших Леночки и Вари. Когда все вышли, Стаев глянул на себя в зеркало, пригладил волосы, повернулся одним боком и другим, как он это делал перед походом в изолятор на встречу с вожатым.

— Я молодец? — спросил он у своего отражения без всякого намёка на улыбку.

Так и не получив ответа, Стаев сел за стол. Он посидел в задумчивости с минуту, потянулся к прихваченным из изолятора рисункам, просмотрел их в рассеянности и отложил. Потом достал из пакета обгоревшие листы, достал лупу и только склонился над ними, как в дверь постучали. Вошли Леночка, Варя и какая-то черноволосая девушка. На заднем плане мелькали Симченко, которые вполголоса переговаривались.

— Здравствуйте! Меня зовут Светлана, — сказала черноволосая девушка. — Я вожатая восьмого отряда. Тут один мальчик говорит, что знает, кто увёл десятый отряд...

— Какой ещё мальчик? — Стаев нахмурился.

— Арсений Кулаков. Из восьмого отряда. Мы в Фиолетовом корпусе размещаемся.

Через полминуты следователь в сопровождении Леночки и вожатой Светланы быстрым шагом двигался в сторону Фиолетового корпуса.

3

Жара раскалила воздух. В кабинете директора было душно, как в бане. Не помогали даже настезь распахнутые окна, через которые носился сквозняк, обдувая потные тела Раскабойникова и Стаева.

Следователь вернулся через полчаса. Выглядел он крайне озадаченным. Он почёсывал в затылке, мусолил в пальцах что-то невидимое и постоянно встряхивал руками, как это делал после первого посещения изолятора. Полковник посматривал на Стаева, но ни о чём не спрашивал,

а капитан не спешил делиться новой информацией. Так они сидели в молчании минут пять, намеренно избегая говорить о главном.

— Не лагерь, а дурдом! — наконец нарушил молчание полковник. — Что думаешь делать с этими двумя?

— Пускай посидят взаперти. Ким — тот ещё клоп. А директор, думаю, скоро расколется. Впрочем, есть у меня сомнения...

— Хэх... Ладно, посомневайся. А про это что скажешь?

Он ткнул в пачку листов, прихваченных из изолятора. Стаев оживился и пододвинул рисунки к себе. Он медленно перетасовал их, останавливаясь ненадолго на каждом. Рисунков было всего восемь, и даже неискущённого зрителя они поражали безупречной техникой исполнения и невероятной искусностью. Люди, предметы, деревья, трава — всё это было прорисовано тщательно, со знанием дела, с соблюдением всех пропорций и законов перспективы. И у профессионального художника на один такой рисунок ушло бы несколько часов кропотливого труда. Вожатый десятого отряда управился с восемью меньше чем за час.

Оба служителя закона совершенно не разбирались в графике, но даже их впечатлили работы Шайгина. Впрочем, поразило не виртуозное исполнение, не правильно переданные светотени и не грамотная композиция творений. Дело было в другом.

Следователь взял верхний лист. На нём был изображён капитан Стаев. В своей дурацкой панаме, в штанах с карманами и клетчатой рубашке, с «Атласом» под мышкой, он беседовал на косогоре с директором «Белочки». Художник запечатлел и фирменную улыбку капитана, и его любимую позу — одна рука на боку. Стоявший рядом Иван Павлович тоже был как живой, даже лучше настоящего. Всё бы ничего, да только вожатый никак не мог видеть встречу следователя и директора лагеря, так как находился на освидетельствовании в наркологическом диспансере.

Второй рисунок представлял события, которые случились уже после его создания: пять человек — Стаев, Иван Павлович, Морокин, Раскабойников, Рада — стояли в изоляторе перед кушеткой, на которой сидел Шайгин. И снова бросались в глаза сходство людей на рисунке с реальными и фактическая точность, начиная с порядка расположения людей до элементов их одежды — гавайская рубашка полковника

с правильно прописанным узором, украшения Рады (браслеты, серьги, ожерелье), двубортный костюм Морокина и прочие мелочи.

Третий рисунок изображал лежащую в траве девочку в длинном белом платье в горошек с кружевной оторочкой. Россыпь крупных веснушек, прилипшая к щеке сосновая хвоинка, большая капля на щеке (то ли слеза, то ли вода), мокрые волосы, тонкими прядями облепившие лицо, — всё это было прописано с фотографической точностью. Девочка смотрела прямо на зрителя большими, широко распахнутыми глазами, в которых отражалось небо с плывущими облаками, а её приоткрытый рот будто произносил какое-то слово. Траву вокруг усеивала роса, сверкающая в лучах восходящего солнца, и в каждой капле отражался окружающий мир. Несмотря на вроде бы безмятежную атмосферу, в рисунке было нечто неприятное.

На четвёртом листе художник изобразил большой овальный валун, возле которого змеился ручеёк. С присущей ему тщательностью он передал все шероховатости, сколы, пятна на поверхности камня, бляшки лишайников, растущие рядом цветы и траву. Несмотря на статичность объекта, рисунок передавал движение: валун слегка наклонён, а линии немного смазаны в одном направлении, как бывает на фотографии, сделанной на длинной выдержке.

На следующем шедевре без труда узнавались северные ворота лагеря «Белочка», возле которых росла большая сосна с обломанной верхушкой. Створки ворот были приоткрыты, возле них толпились люди, а в центре стоял человек, нарочно плохо прорисованный и как бы заключённый в серое облако тумана.

Шестая работа была выполнена совсем в ином стиле. Если на пяти предыдущих все детали чётко прорисованы, то здесь контуры предметов расплывались, будто художник сначала едва нажимал на карандаш, а потом растёр линии пальцем или кусочком бумаги. Можно было различить дорогу, уходящую вдаль, силуэты высоких людей на обочине, очертания двухэтажных домов и деревьев с голыми ветками на заднем плане.

— Как такое может быть? — повторял Раскабойников. — Он пророк, что ль? Будущее угадывает?

— Мне кажется, — заговорил Стаев, — это предостережение. Не знаю насчёт экстрасенсорных способностей. Вдруг у него действительно дар. Но мне кажется, Шайгин знал о планах злоумышленников. И решил

таким образом предостеречь нас. А его сбивчивая речь — последствия от препарата, который ему вкололи.

— Поэтому он и постарел за пять минут? — заметил Раскабойников. — До сих пор холод продирает, когда представлю его морду. Хэх... не думал, что такое возможно.

Они обменялись взглядами. У Стаева взгляд был испытующий, а у Раскабойникова — почти испуганный. Он как будто хотел добавить ещё что-то, но сдерживался, а следователь не торопил.

— Ладно... А это что? — полковник указал на две последние работы.

Их вовсе нельзя было назвать рисунками. Настолько густо заштрихованы карандашом, что не получалось различить отдельные линии. Чернота получилась такой непроглядной, что зрителю казалось, будто он смотрит в бездонные провалы.

— Чёрные прямоугольники! — буркнул полковник. — Малевич, блин!

Стаев взял один из чёрных листов, повернул его к свету, долго смотрел то под одним, то под другим углом.

— Гляньте-ка, — сказал следователь. — Мне кажется, тут не просто штриховка. Тут какие-то рожи проступают из черноты. Видите?

Раскабойников с минуту изучал чёрные прямоугольники.

— Не вижу никаких рож, — буркнул он.

Стаев пожал плечами и взял второй лист. Он повторил свои манипуляции, потом провёл пальцем по заштрихованной поверхности и потёр затылок.

— Что с тобой?

— Голова трещит, — следователь несколько раз с усилием моргнул и положил рисунок на стол. — Что это за шум? Опять это «тинь-тинь»...

Следователь встал, подошёл к окну, отодвинул занавеску и выглянул наружу. С минуту он смотрел на улицу, отошёл к столу, пошуровал пальцем в ухе. Перевернул последний рисунок и обнаружил на обратной стороне надпись:

*Пергаменты не утоляют жажды,
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвётся мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.*

— Ещё и поэт! — крикнул полковник.

— По-моему, это что-то из классики, — возразил Стаев. — Кстати, вы не расскажете, чем знаменит этот Шайгин?

Полковник глянул в пол, потёр подбородок. Он начал говорить, но с большой неохотой, как будто вспоминал о чём-то неприятном:

— В общем, в августе девяностого в Бельске были перебои со спиртным и продуктами. Так получилось, что с прилавков вдруг пропали и сахар, и масло, и мясо, а заодно и водка. Начались беспорядки по всему городу. На третий день недовольные рабочие собрались на площади перед администрацией завода «Прибор» и устроили стихийный митинг. Произошёл так называемый водочный бунт. И главный там был этот профсоюзный лидер, Пётр Живкович. Ты его тут видел. Борзый такой. С обожжённой щекой. Он всех подстрекал. Но этим дело не ограничилось. Подтянулись бандиты, стали ещё больше подначивать собравшихся. В райкоме не захотели вести переговоры со смутьянами и решили разогнать бунтарей силами милиции и военных. Всё могло закончиться крутым замесом, тем более что у бандитов были серьёзные намерения. А руководил всем Димон Вежливый. Этот татуированный. С фиксой. Ну и бугай в майке тоже был в его банде...

Раскабойников помолчал, собрался было продолжить, но тут у него запищал сотовый. Полковник полез в карман, выудил аппарат и нахмурился.

— Да, зая, — вздохнул он. — Нет, я ж сказал: не приеду. Тут дети потерялись. Целый отряд. И Гоша там. В новостях передали? Вот уроды! Поездку придётся отменить. Да, вот так... Или поезжай одна. Лялю возьми. Зая, у меня сын пропал! Ты это понимаешь?

Женский голос проверещал что-то в трубку. Раскабойников сухо попрощался и спрятал аппарат. Как раз в этот момент с лестницы донеслись голоса, дверь раскрылась, и на пороге появилась счастливая и румяная Яна.

— Привет, Белянка! — воскликнул Стаев. — Где тебя черти носят?

Следом за Яной вошли друг за другом опер в кожаном пиджаке, юный натуралист и пара — вытянутые как две макаронины мужчина и женщина, оба в очках, оба облачённые в элегантные деловые костюмы. Именно с ними разговаривал Ким на пяточке у кинотеатра.

«Палочники», — усмехнулся про себя Стаев при виде худой пары.

— Я кое-что выяснила, — сказала Яна.

— Я Владимир Залевских. Вы здесь, извиняюсь, начальник? — обратился к Стаеву высокий мужчина. — В таком случае хочу вас уведомить, что ваши действия нарушают мои конституционные права. Мало того, что вы без меня допрашивали моего несовершеннолетнего сына, так теперь вы держите меня и мою жену тут без всяких оснований. Это противозаконно! Я буду жаловаться. Мне...

— Я прошу прощения, — улыбнулся Стаев. — Во-первых, мы не допрашивали мальчика. Наша сотрудница просто беседовала с ним. Во-вторых, учитывая обстоятельства дела, я имею право задерживать свидетелей на неопределённое время в случае необходимости. А в-третьих, никаких нарушений с моей стороны не было. Ещё есть вопросы, м-м-м?

Высокий и худой Залевских похлопал губами и кашлянул. Стаев, не давая собеседнику опомниться, продолжал:

— Нам очень нужна ваша помощь. Вы поймите: из лагеря целый отряд пропал. Тридцать человек! Вот вам повезло: по счастливой случайности ваш сын не пошёл с остальными. А каково другим? Прошу вас задержаться ещё на несколько минут.

Поникший Залевских переглянулся с супругой. Юный натуралист и охотник за ящерицами поправил очки. В дело вступила Яна.

— Вовик, — обратилась она к мальчику, присаживаясь перед ним, — ты не мог бы повторить то, о чём рассказал мне днём? Это очень важно. Никто тебя ругать не будет. Я тебе обещаю.

— Наоборот, — вклинулся следователь, — я тебе за это дам подержать настоящий пистолет. Хочешь?

Мальчик с недоверием посмотрел на Стаева, который, в свою очередь, перевёл взгляд на опера в кожаном пиджаке. Тот вздохнул, ленивым движением вытащил из недр пиджака «макаров», вынул обойму и положил оружие на ладонь.

Вова взглянул на пистолет широко раскрытыми глазами и облизнулся. Получив одобрение родителей, он заговорил. Стаев включил диктофон. Мальчика слушали внимательно. И чем дольше он говорил, тем сильнее вытягивались лица взрослых. Когда Вова закончил, Стаев кивнул оперу, и тот протянул мальчику пистолет. Пока юный натуралист

рассматривал оружие, пытался нажать на спусковой крючок, следовательно шепнул Яне:

— Скажи стажёрам: пускай ведут сюда директора, воспитатку «десятки» и эту гламурную златоглазку — напарницу Шайгина.

Вова в последний раз провёл ладонью по стволу «макарова» и с сожалением вернул оружие. Стаев сердечно поблагодарил Залевских, пожал руку отцу, проводил чету до дверей и шепнул оперу в кожаном пиджаке:

— Задержи этих палочников любой ценой.

Опер выскочил за дверь, а в кабинет вошли Лидия Георгиевна, Юля и Иван Павлович. Директор был бледен, понур и даже как будто похудел за прошедший час, но его запавшие маленькие глазки сверкали, а губы сжимались решительно и твёрдо.

Стаев оглядел всех и нажал на клавишу диктофона. Как только в кабинете зазвучал голос Вовы, Иван Павлович простонал «Господи!», закрыл лицо руками и наклонился вперёд. Лидия Георгиевна стиснула челюсти и сжала кулаки на коленях. Юля надула губы и сидела, покачивая ножкой в баретке, с невозмутимым видом.

Когда запись закончилась, Стаев щёлкнул клавишей.

— Это правда? — спросил он.

Юля отвернулась. Лидия Георгиевна опустила голову. Директор покачивался, как будто снова собираясь хлопнуться в обморок.

— Я не перестаю вам удивляться, гражданин Хрущ, — произнёс Стаев. — Тут и без пропажи отряда ваши подвиги на такой срок тянут, что мама не горюй, а вы продолжаете кобениться. Рассказывайте!

— Мне нечего расска-а-азывать, — загнусавил Иван Павлович. — Я уже всё сказал. Я не имею к этому похищению никакого отношения.

— Хорошо, — вдруг согласился Стаев. — Мы вам верим. Вы, девочки, можете быть свободны. Пока. А директора — обратно под замок. Не понимаю, зачем так упрямяничать!

Когда бледный и понурый, но всё же злой и раздражённый Иван Павлович был уведён конвоем, Стаев позвал опера в кожаном пиджаке и стажёров.

— Значит, так. Сейчас берёте этого юного натуралиста и дуете на Иванчайку. Кстати, а где «профессор»?

— Виноват, — сказал опер. — Недоглядел. Улизнул он от меня.

— С родителями успели переговорить?

— Так точно. Как обычно, все говорят, что были вчера дома. Ничего существенного по поводу пропажи сообщить не могут. И знаете, — опер кашлянул, — они какие-то странные. Неразговорчивые. Раздражительные. Нужно проверить их на предмет алиби.

— Проверим, — сказал Стаев. — Обязательно проверим...

Опер вышел. А следователь сел за стол, придвинул к себе рисунки и снова принялся их разглядывать, возвращаясь к чёрным прямоугольникам. Капитан то и дело морщился, потирая висок двумя пальцами.

Из показаний свидетелей

Арсений Кулаков, восьмой отряд (14 лет):

«Вчера ночью мне приснился сон. Как будто я лежу в своей кровати и вдруг слышу музыку. Я встаю, подхожу к окну и вижу группу детей. Они шли гурьбой по главной аллее, от северных ворот к южным. При этом они громко смеялись, пели, танцевали, кривлялись. Нет, костюмов на них не было. Они были в майках, шортах и босиком. Впереди всех шёл какой-то человек и играл на флейте. Лица я не разглядел, но точно не Антон. Это был какой-то высокий старик с длинными седыми волосами. Он играл на дудке и пританцовывал, а дети шли за ним как привязанные. Крича и танцуя, они прошли вдоль главной аллеи до площади с флагами. Я думал, они выйдут за территорию через ворота, но процессия свернула налево и скрылась за другим корпусом. Я ещё долго слышал музыку и крики. Видимо, дети бродили по лагерю. Потом всё стихло. Утром я узнал, что пропал десятый отряд. Я пытался рассказать о своём сне, но меня не слушали. Меня вообще никто никогда не слушает...»

Вова Залевских, воспитанник десятого отряда (11 лет):

«Вообще-то это наша тайна. Мы с ребятами и девчонками договорились молчать. Но я подумал, вдруг это как-то поможет. В тот день ни Юли, ни воспитательницы не было. Мы только что вернулись с купания в бассейне, хотели развесить вещи в сушилке, как тут прибежал один мальчик и сказал, что там висит голая мёртвая женщина. Антон зашёл

проверить. Его не было долго. Мы стояли и ждали. А когда он вышел, кто-то из нас попросил посмотреть на эту мёртвую. Тогда Антон отправил всех по палатам, а потом начал водить нас в сушилку группами по четыре человека.

Я тоже пошёл. И знаете, в этом не было ничего плохого. Альбина была как живая и такая красивая. Как Венера с картины в музее, куда нас водил Антон. Только волосы короткие. И все понимали, что происходит нечто невероятное. Никто не смеялся, не испытывал стеснения. Всё проходило тихо, торжественно и печально.

Когда всё закончилось, Антон закрыл сушилку и пошёл к директору. Потом приехали милиция и скорая. Альбину увезли. А мы никому об этом потом не говорили и между собой не обсуждали. Это был наш секрет. Как те загадки, которые мы пошли закапывать в лесу на Иванчайке на следующий день. Это были такие пожелания на год. Говорят, если написать и закопать в нужном месте, то обязательно сбывается. Только потом одна девчонка нас заложила. Пошла и рассказала всё воспитательнице».

Иван Павлович Половняк, директор ДОЛ «Белочка» (53 года):

«Альбина действительно повесилась. Сама. Не знаю причин, которые её толкнули на это. И почему она решила сделать это в Синем корпусе, тоже понятия не имею. Шайгин в это время был у бассейна с отрядом. Он её не убивал. И отношений у них не было. В общем, мы замяли дело. И всё было хорошо до определённого момента.

Несколько дней назад Лидия Георгиевна сообщила мне о другом инциденте. Одна девочка рассказала ей о так называемой “экскурсии”. Даже говорить противно! Я сначала не поверил, а потом решил провести дознание. Оказывается, Юля давно знала об этом. Только нам не сказала. Опросили всех детей из “десятки”, но никто не признавался. Антон тоже молчал как партизан. Симченко с ним всю ночь напролёт беседовал и ничего не добился.

Мы, конечно, решили избавиться от Шайгина на всякий случай. По-хорошему нужно было вызвать милицию, начать дознание, только это опять лишняя шумиха. И потом, улики никаких. Только свидетельства одной девочки. В общем, я решил попросить Антона написать заявление по собственному, но потом подумал, что это может вызвать

кривотолки. Тем более что он был так популярен в лагере. Я решил дождаться окончания смены и расстаться с ним. Симченко же обещал присматривать за Антоном оставшиеся дни. Но вот недосмотрел...

Седой старик? Нет, таких в лагере у нас нет. Мальчик просто нафантазировал».

(Продолжение следует)